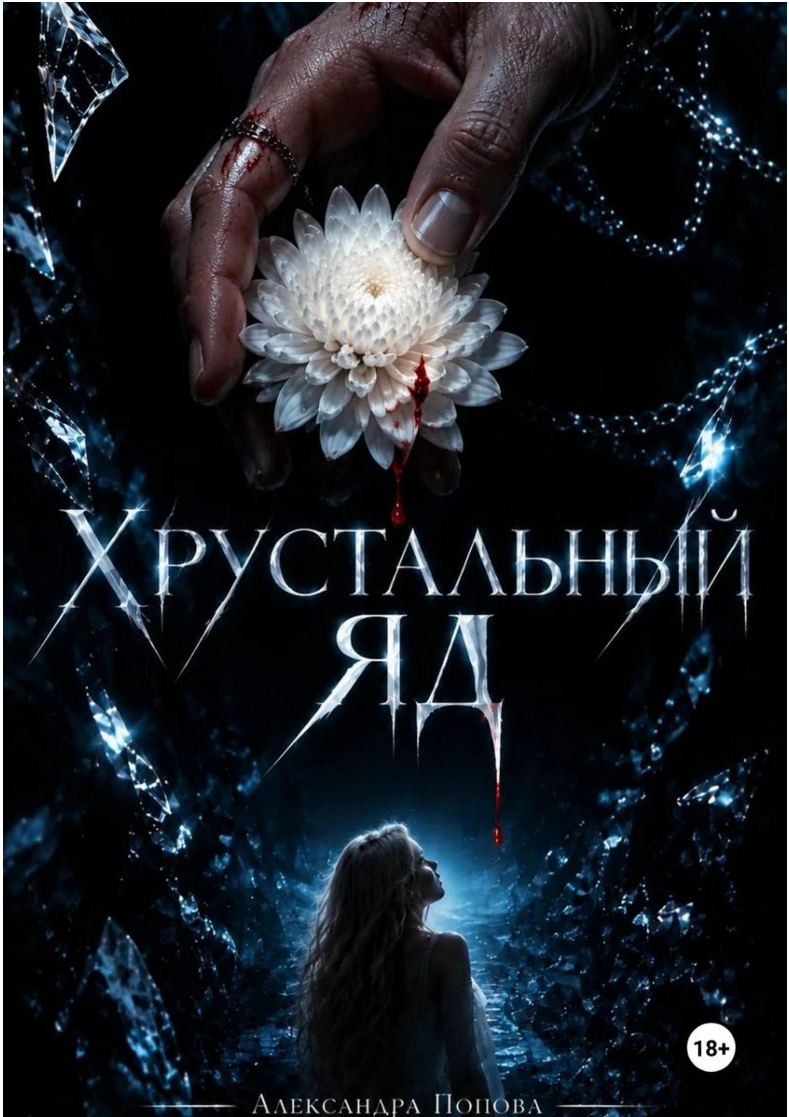

Хрустальный яд
18+
Александра Попова

Александра Попова
Хрустальный Яд

https://litres.ru/74784018
SelfPub; 2026

Аннотация

Он вытащил меня из ледяного ада общаги из лап тирана, предложив холодный контракт о фиктивных отношениях и роль на публике. Я согласилась, отчаянно нуждаясь в спасении. Он молодой миллиардер, привыкший всё контролировать и держать в руках целую империю. Просто ещё один мажор из другого мира...

Но я ошиблась. Он оказался бережным и ласковым. Настолько, что я перестала дрожать.

Он научил меня быть слабой. Я научила его чувствовать.

Мир взрывается, когда я, увидев в золотой клетке мафии своё прежнее отражение, бросаюсь в пасть опасности, чтобы спасти незнакомку. Этот прыжок ломает хрупкое равновесие и обрекает старых врагов на войну.

Теперь ОН готов сжечь всё вокруг. Мажор, нежный со мной и беспощадный к врагам, пойдёт по головам, чтобы вернуть то, что стало его воздухом и тишиной среди шума. Он отвоёвывает меня у целого мира, а я, царапая ему спину в пылу страсти, шепчу единственное имя, которое значит для меня спасение, любовь и абсолютную, всепоглощающую собственность.

его имя...

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 32
Глава 3 68
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Александра Попова
Хрустальный Яд

Глава 1

Кожа на руках совсем потрескалась от ледяной воды. Мыло больно въедается в ранки, безжалостно проникая в глубокие слои дермы. Я сжимаю авокадо, натирая его кожуру губкой до блеска. Я ненавижу мыть овощи и фрукты для этих дурацких сытных вафель. Но моя начальница свято верит, что те полтора человека, заходящие к нам, обязательно купят сытную вафлю для обеда. Гадость…

Руки покраснели от холода. Почему сюда нельзя поставить бойлер? Каждый раз греть воду и заливать её в раковину из чайника просто неудобно… А если говорить о том, чтобы мыть овощи и фрукты - просто неприятно… Надеюсь, когда-нибудь я наберусь смелости, чтобы уволиться из этой кондитерской. Жаль, что не сегодня…

Желудок издаёт предательское урчание. Последний раз я ела вчера днём… Деньги заканчиваются, продукты тоже, приходится экономить… Собой. Не сказала бы, что для меня это новое чувство, но оно отвратительное. Я поглядываю на рабочий холодильник, внизу которого лежат списанные пирожные. Уже прошло три дня, начальница их не забрала,

а значит я могу стащить их домой… Или съесть здесь и сейчас, чтобы мой желудок перестал быть пустым.

Я складываю яблоки и авокадо на полотенце, оставляя за ними право высыхания. Сегодня особенно тяжёлый день… Шестая смена подряд даёт о себе знать недосыпом и раздражением. Я люблю эту кондитерскую всей душой, но отсутствие сменщика в буквальном смысле сводит меня с ума… Я не знаю, когда у меня ближайший выходной. Надеюсь, я смогу договориться с начальницей об отгуле в день экзамена. Если я не поступлю и в этот раз, то просто заживо сама себя съем.

Руки приходится отогревать на кофемашине. Я прикрываю глаза от удовольствия, медленно растекающегося по моим костяшкам. И в мгновение замечаю его взгляд.

Он всегда здесь. С шестнадцати часов до двадцати. Каждый день. Всегда берёт один и тот же латте с малиновым сиропом и уходит за столик в самом дальнем углу стучать по клавишам ноутбука. Интересно, что он пишет? Кем работает?

Я отвожу взгляд не сразу. Трудно не пялиться, ведь он действительно прекрасен. Хоть я не знаю о нём ничего…

Наверное, он какой-нибудь начальник. Или парень со своим бизнесом. Рассчитывает сложные активы? А если пишет книгу? Иногда мне хочется подойти и спросить, чем он занимается. А потом я останавливаю себя. Не потому что не хочу.

А потому что неудобно.

Я шумно выдыхаю, оглядев помещение. В баре бардак… Я совсем устала с того момента, как Полина уволилась. Она смекнула раньше меня, что это место гнилое и ловить тут нечего. А для меня это единственный источник дохода и работа мечты… Если бы эта кондитерская пользовалась спросом и кто-нибудь другой мыл авокадо, конечно. Ну и бойлер с горячей водой не против стать моим другом…

Взгляд снова скользит к загадочному гостю, который успел стать родным за эту неделю. Он единственный, кто проявляет интерес к нашей точке. Здесь тихо, люди бывают очень редко, удобно работать. Наверное, это является ключевым фактором его пребывания здесь. Ну или ему нравится мой латте, в чём я сомневаюсь.

Я слегка наклоняю голову в сторону, разглядывая его, как подопытного кролика. На нём серая водолазка из тонкой шерсти и идеально сидящие чёрные брюки. Плечи такие широкие… Он качается. Наверное, каждый день. Но ему очень идёт. Высокие скулы, легкая небритость. Взгляд тяжелый, внимательный. Он смотрит в монитор так, будто хочет прожечь в нем дыру. У него очень дорогие часы на металлическом браслете, которые он никогда не прячет под рукав. Волосы светлые, а глаза голубые. Я в них чуть не утонула, когда увидела в первый раз…

Он такой… Ненастоящий. Словно мужчина, которого я сама придумала. В какой-то степени он кажется идеальным.

И мне так хочется прикоснуться к этой неизвестности, чтобы узнать о нём хоть чуть-чуть. Зачем? Понятия не имею… Но эта загадка манит.

Руки ожили и начали гореть. Я со стоном отрываю их от кофемашины и тянусь к тюбику с кремом под баром. Обильно смазав кожу, я хмурюсь. Теперь крем режет меня, словно ножом. Больно, но уже привычно. Заканчивается… Нужно будет купить новый.

Слегка встряхнув руками в воздухе, я добираюсь до холодильника. “Молочная девочка”, “Прага” и “Вишня в шоколаде”. Сегодня я буду сыта. Это радует. Но огорчает другое… Если бы я продала эти куски тортов, то могла бы заработать. Однако, людей нет, торты вынуждены списываться, а потом попадать в мой желудок. Так что грех жаловаться. Выручка всё-равно тратится на еду. И то не вся… Но это уже другая история.

Взяв контейнер с “Молочной девочкой”, я завариваю себе чай с тропическими фруктами. Из рюкзака виднеются распечатки с английским. Я выглядываю в окно. Дождь. А значит, на выручку сегодня можно не рассчитывать вообще… Но в этом есть и свои плюсы.

Я выхожу из бара и занимаю ближайший столик. Возвращаюсь за распечатками, а уже потом располагаюсь на диванчике. Неправильные глаголы… Я выучила их ещё три месяца назад. Все. Но каждый раз думаю, что ничего не знаю и не сдам. А если я не сдам, то…

Телефон в кармане фартука вибрирует. Я судорожно сжимаю его в ладони, увидев контакт.

Глеб.

Я не хочу с ним разговаривать… После того, как он вёл себя ночью и что высказывал мне вечером, единственным правильным решением будет просто расстаться с ним и оборвать все связи. Но в ближайшее время идти мне некуда… А значит и трубку придётся брать.

Замкнутый круг.

Я шумно выдыхаю. И нажимаю зелёный значок.

— Почему так долго?

— Что ты хочешь?

— Ты что, реально обиделась? Прости, Ева… Ну ты же знаешь, что это правда. Почему я должен молчать?

Моё сердце перемещается в горло, а руки снова холодеют, словно под ледяной водой. У меня больше нет сил плакать…

— Потому что мне неприятно, Глеб. Я для тебя тряпка или вещь? Какого чёрта ты позволяешь себе в мою сторону так выражаться?

— Как именно?! — я отсюда чувствую, как его ноздри раздуваются. — Что ты свинья?! Что не следишь за собой?! Что спишь до обеда?!

— У меня было двенадцать смен подряд, один выходной и сегодня я работаю шестой день… Всё нормально?!

— Ладно, всё. Новости есть?

Я ненавижу эту фразу. Она звучит в день раз двести… Ес-

ли не больше. Он привык прерывать и начинать ей абсолютно всё…

— Новости? — повторяю я, чувствуя, как внутри всё каменеет. — У нас ввели сытные блины и вафли. Все руки испортила, пока мыла овощи…

Экран телефона мерцает, а затем покрывается пикселями. Спустя две секунды на нём появляется красное, одутловатое лицо Глеба, с выступившими на лбу капельками пота на фоне прокуренной общей кухни общаги. Жёлтые стены в жирных пятнах, заляпанная микроволновка, мелькает чья-то голая спина. Кто-то из соседей прошёл в трусах до холодильника. Кто-то матерится на заднем плане, слышится лязг посуды и пьяный смех.

Глеб кривит губы в своей особенной усмешке, от которой у меня всегда закипает злость.

— Блины, — цедит он. — Сытные вафли. Ты так ещё больше растолстеешь на этих блинах, Ева. И так толстая, а скоро вообще в двери пролезать не будешь.

Его слова падают на меня, как удары. Каждый раз одни и те же. Каждый раз в одну и ту же точку. Он знает, куда бить.

Он всегда знает…

Я смотрю на свои покрасневшие, потрескавшиеся, с въевшимся мылом, руки. Руки, которые моют авокадо для этих проклятых вафель. Руки, которые каждый день стирают слёзы. Руки, которые не знают, что такое быть любимыми…

Чувствую, как внутри меня надрывается тонкая струна,

которая и так была на пределе.

И нажимаю «Отбой».

Я отодвигаю телефон на край стола, словно это кусок грязи, который испачкал мою ладонь. Пусть лежит там. Пусть не касается меня…

Я так устала от этого дерьма. На протяжении года он поливает меня грязью и распускает руки. И об этом не знает никто…

А я молчу. И плачу. Потому что пока идти мне некуда.

Единственная моя надежда — поступление в университет в этом году. Там будет чистое общежитие… Пусть там будут тараканы, но не будет алкашей, плесени и Глеба. Тараканы милее и симпатичнее него в миллион раз. Я лучше выберу их. С ними мы лучше уживёмся, чем в той общаге, где живём мы с Глебом сейчас.

Телефон снова оживает. Я машинально скольжу взглядом по экрану.

«Есть лавровый лист?»

Боже…

Как будто ничего не произошло. Как будто он не просто что не сказал мне, что я толстая и скоро не пролезу в двери. Как будто это рядовой вопрос про специи для его пьяной похлёбки.

Я смотрю на телефон так долго, что экран гаснет. Такая ерунда, мелочь… Но порох внутри меня медленно тлеет уже год и еле держится, чтобы не взорваться прямо сейчас. Оста-

лось немного…

Медленно перевожу взгляд на мусорное ведро у бара. Стоит у стены, обшарпанное, с чёрным пакетом внутри. Может, выбросить телефон? Не поможет. Глеб знает, где я работаю… Выброситься самой? Проще залезть в мусорный бак и познакомиться с крысами. Они, хотя бы, местные, в отличие от меня. Лучше залезу в будку к собачке Лилу, с которой мы часто делим ужины. Единственная моя подружка в этом огромном городе.

Когда-нибудь это закончится… Или мне хочется в это верить.

Ложкой отламываю кусочек торта и кладу его в рот. Сладкое блаженство растекается по языку, оставляя приятное послевкусие. Делаю глоток чая, торт тает. Я едва не закатываю глаза от удовольствия. Желудок не особо рад сладкому, но не протестует. Спасибо, что есть хотя бы такой вариант…

Бросаю взгляд на затёртые распечатки. Как же я надеюсь поступить в этом году… Большинство моих проблем будут решены. И главное — я съеду от Глеба, перестану терпеть его абьюз и побои.

А это — ключевой фактор. Самый болезненный.

***

Время тянулось так долго, что его можно было сравнить только со жвачкой, прилипшей к подошве. Я целых полчаса шла пешком под проливным дождём, потому что мой автобус не приехал. Забыла зонт. Замёрзла и вспотела одновре-

менно. Возможно, я была бы чуть веселее, если бы пришла в свою роскошную квартиру где-нибудь в центре города, но пока я не разбогатела и приходится довольствоваться тем, что есть.

Общагой, в которой я живу вместе с Глебом.

Было бы славно сжечь это место до тла, потому что меня от него тошнит… Двухэтажная хрущёвка. Запах кошачьей мочи и безнадёжности, если у неё есть запах. В коридоре валяются бутылки из-под пива и водки. Кто-то расплескал суп по линолеуму, и никто не удосужился убрать. Лампочка над моей дверью перегорела ещё на прошлой неделе. Я просила Глеба поменять, бесполезно…

Я замираю на секунду посреди коридора. Просто стою и смотрю на обшарпанные стены, на исписанные матом двери, на мутные окна.

Место, где я живу…

Всего три месяца... Я поступлю и через три месяца съеду в другую общагу. Нормальную. Студенческую. С нормальными соседями, а не с взрослыми мужиками, у которых пивные пуза и мутные глаза. Где не воняет алкоголем и куревом. И там точно чище, чем здесь…

Из комнаты напротив вылезает один из мужиков. Семейные трусы, растянутая майка, опухшее лицо. Он улыбается мне своим гнилым ртом, в котором не хватает нескольких зубов, и от этой улыбки мне становится страшно. Я ускоряю шаг, иду к своей двери, и постоянно оглядываюсь. Спина на-

пряжена, как струна. Лопатки сводит. Он что-то бурчит мне вслед, но я не разбираю, и не хочу разбирать.

Дверь своей комнаты я открываю дрожащими пальцами. Внутри темно, сыро, пахнет плесенью и чем-то кислым.

Глеб на кухне. Соседи, смех, мат, звон бутылок. Сегодня я снова не усну… Наушники сломались ещё неделю назад, беруши не помогают. И страшно их надевать… Дверь нужно оставить открытой, иначе этот монстр снесёт её с петель. А если я буду спать, то стану уязвимой. Как в прошлый раз, когда один из таких мужиков залез мне прямо в кровать…

Воспоминание об этом сводит скулы, вызывая панику. Челюсть начинает дрожать от холода. Я промокла до костей…

С трудом стягиваю с себя одежду и понимаю, что промокло даже бельё. Приходится снять и его. Украдкой посматриваю на дверь. Надеюсь, за мной никто не подглядывает…

Нахожу в шкафу тёплый халат. Всё-таки не по себе… Закрываю дверь на ключ. Единственное, в чём мне повезло с этой общагой — у меня свой санузел прямо в комнате. Не рай, но лучше, чем общий душ. Маленький поддон, унитаз и мини-раковина. Буквально два метра пространства. Но такое блаженство.

Настроив тёплую воду, я встаю под лейку, шланг которой протекает со всех сторон. Шампунь закончился ещё два дня назад, но меня выручает кусочек мыла, купленный за двадцать восемь рублей. Я приноровилась им пользоваться, даже мыть волосы. Полезный навык, к жизни в студенческом

общежитии готова на сто процентов, выжила в самых критических ситуациях. Меня точно должны зачислить.

Я смываю с себя остаток сегодняшнего дня. Соседские крики слышны даже здесь, сквозь водопад из лейки. Смыв с себя мыльную пену, я выжимаю волосы и набрасываю халат. Мне легче, уже не трясёт от холода. Но вот злость никуда не девается…

Вернувшись в комнату, я быстро набрасываю на себя чистые спортивные штаны и свитер. Помню про носки. Кутаю волосы в полотенце. Вот теперь лучше, тепло, не трясёт… Но горячий чай не помешает.

Я замираю, когда прохожу вдоль мизерной кухни. На столе кастрюля. Алюминиевая, с облупленной эмалью, с одной ручкой.

Я заглядываю. Мутная жидкость, Цвета грязной воды из-под крана, серо-жёлтая, с жирными кругами на поверхности. Внутри разваренные, потерявшие форму плавающие куски картошки и макароны, слипшиеся в комки и разбухшие до неприличия.

И лавровый лист. Один. Тот самый. Ради которого Глеб писал…

Запах чистого концентрированного крахмала. И обиды… Он сварил эту бадью из всех продуктов, которые у нас были. Которые можно было бы разделить на два, а то и на три дня…

Я беру ложку. Пробую. На вкус вода. Без приправ, только соль, картошка, макароны и вода. Это съедобно. Но так от-

вратительно…

Выбора нет, придётся давиться. Я наливаю себе тарелку. Сажусь на кровать и ем, слушая пьяный ржач за стеной. Слёзы сами катятся по щекам, и едва не капают прямо в тарелку. Я быстро смахиваю их и оглядываюсь по сторонам в попытках уцепиться за что-нибудь, чтобы успокоиться. Но от атмосферы вокруг хочется плакать только больше.

Чёрная плесень расползается по стенам, словно болезнь, медленно пожирающая всё вокруг. Под потолком гудит одинокий обогреватель-ветерок, безуспешно гоняя холодный, сырой воздух по кругу. Обои отходят от стены из-за сырости, образуя пузыри. Я протягиваю руку, нажимаю на один из таких и чуть ли не пугаюсь, когда тот лопается и из-под него сочится влага. Вид за окном не радует. Там такой-же барак, окно с зелёными шторами и уличный фонарь, который светит еле-как, роняя жёлтую краску на кусты.

Картина безнадежности.

За стеной начинается вакханалия. Глеб орёт тост, ржёт басом, и его ржание заглушается включённым на полную громкость шансоном. «Ах, какая женщина...» — надрывается Глеб в такт музыке, и мне хочется разбить об его голову эту чёртову кастрюлю…

Всё по сценарию, который я успела выучить за год жизни с ним. Пиво, вобла, мат, тост, смех, спор, крик, удар, грохот, тишина, храп. Они никогда не ошибаются и не нарушают последовательности.

Стены, плесень, холод и шансон. Я в ловушке… Завтра снова на работу. Надеюсь, я смогу поспать хотя бы пару часов до смены. Иначе буду чувствовать себя варёной мухой.

Вздохнув и отставив тарелку с остатками супа на стол, я достаю с полки учебник английского. Поджав колени под себя, открываю самый ненавистный раздел с неправильными глаголами. Страницы замяты по углам, исписаны моими пометками. Я вожу пальцем по тексту, пытаясь заглушить пьяные маты. Буквы плывут от усталости, расплываются, как тени на мокрой стене.

Broken. Сломанный. Как я.

Тусклая лампочка над потолком мигает каждый раз, когда кто-нибудь включает чайник в кухне. Ржач не прекращается. Я на секунду прикрываю глаза.

О чём мечтают люди? О квартирах, машинах и путешествиях? Наверное да. О чём мечтаю я? О тишине. Неважно, где. Если бы в этой общаге было тихо, я бы не мечтала сбежать отсюда при первой же возможности. Всю эту грязь устраивает Глеб каждый раз, когда возвращается с вахты. Заработанные деньги исчезают в первые же три дня. Спасибо, что хотя бы комнату оплачивает на несколько месяцев вперёд… Было бы славно, если бы он ещё и продукты покупал, а не только пиво.

Осталось немного… Главное сдать экзамен.

***

Удар в дверь такой громкий и резкий, словно выстрел. Я

подскакиваю, как ошпаренная, обнаружив, что уснула прямо с учебником в руках. И с ужасом понимая, что не открыла дверь…

За ней Глеб. Пьяный, довольный и одновременно злой. И лучше его не драконить ещё больше.

Кое-как встаю на ноги. Тело кажется ватным, чужим, тяжёлым, будто не моё. Мозг всё ещё спит. Глаза слипаются, в горле сухо, во рту привкус крахмала. Ноги не слушаются. Стук в дверь повторяется. Открываю.

Мерзость…Глеб стоит в дверях. Шатается. Держится за косяк грязными пальцами с обломанными ногтями. Смотрит на меня мутными, налитыми глазами, в которых нет ничего, кроме пьяной злобы и чего-то тяжёлого и липкого, как ил на дне. На нём мятая серая футболка с тёмными пятнами. Спортивные штаны старые, потёртые, с дыркой на колене. Носки грязные, он собирает ими всю грязь коридора.

От него несёт за километр пивом, рыбой, потом и тяжёлым табаком. Этот запах я выучила наизусть. Он как триггер…

Он и есть триггер.

И это мой "парень". Мужчина мечты, прости Господи…

— Привет. — бормочет Глеб, еле волоча языком.

Я молчу в ответ. Мне неприятно даже просто разговаривать с ним…

— У меня сегодня смена. Дай мне выспаться.

Я молча впускаю его внутрь. Не потому что хочу. Потому

что не могу не впустить... Комната сразу становится меньше, Глеб он заполняет её собой, своим запахом, своим присутствием. Он подходит ко мне, тянет руки обниматься. Его ладони ложатся на мои плечи, тяжёлые, горячие, влажные. Я толкаю его в грудь, не сильно, но достаточно.

— Хочу спать, — говорю я. — Мне скоро на работу.

На этот раз я откладываю учебник на то место, откуда его взяла и укладываюсь на диван под одеяло. Глеб что-то бормочет, а спустя несколько секунд падает рядом. Его дыхание тяжёлое, хриплое и прокуренное.

И мерзкое… Слишком.

Я отворачиваюсь к стене, стараясь как можно дальше находиться от него. Его дыхание ровное. Он уже засыпает. А я лежу, смотрю на стену, и думаю о неправильных глаголах. Fall — fell — fallen. Упасть. Я уже падаю. Или уже упала? Смогу ли я встать? А что, если опять не поступлю?

Я хмурюсь. Мысли, словно назойливые мухи, заполняют голову. Но сон накатывает вопреки всему пережитому ужасу. Тревога продолжает гудеть в теле, как оборванная струна, но усталость берёт своё. Я проваливаюсь…

Холодно. Мокро. Мерзко… Потная, тяжёлая, липкая ладонь грубо скользит по моим бёдрам. Как по мясу. Как по вещи. Как по чему-то, что не имеет права на «нет»…

Тело покрывается мурашками. Не от возбуждения, а от холода и отвращения... Сон снимает рукой. Я машинально тянусь к ногам и осознаю масштаб проблемы.

Я без штанов. Без белья. Без какой-либо защиты от него…

Нет, только не это…

Руки Глеба грубые и торопливые. Его дыхание тяжёлое и прерывистое. Я слышу, как он плюёт на пальцы, а затем размазывает слюну по своему члену. Начинаю дрожать, в висках колотит. Я не хочу… Не могу. Мне противно…

Глеб тяжело опускается рядом на бок, тыча в меня своим членом. Отвращение накатывает волной. Он возится между моих ягодиц, сопя и постанывая.

Я не хочу его. И сомневаюсь, что когда-то вообще хотела по настоящему. Меня тошнит от его прикосновений. От его слов. От его “аромата”.От него…

Он пальцами нащупывает вход, а я сжимаю бёдра, боясь отказать ему напрямую. Я осторожно отодвигаюсь ближе к стенке и издаю жалобный звук, изображая сон. Может, подействует?

Ненавижу его. Бесполезно объяснять, что мне утром на смену. Что от его слюней у меня молочница, которую я лечу неделями. Что я вообще не хочу его и пусть трахает кого-нибудь другого на стороне.

Бесполезно всё. Абсолютно.

Я сжимаю кулаком кусок подушки, ощутив, как на неё скатилась горячая слеза. Я не хочу это терпеть. Не хочу быть униженной. Не хочу платить телом за возможность выживания в общаге.

Не хочу ничего…

Резкий удар по ягодице заставляет меня вскрикнуть. Боль жгучая, точечная и настолько реальная, что снимает остатки сна полностью. Глеб толкает меня вперёд, кровать со скрежетом отъезжает, и я тяжело падаю на пол, больно ударившись локтём о пол и головой о тумбочку. Боль тупая, ноющая, разливающаяся по телу, как чернила в воде. Я жалобно стону, ощутив, как порция слёз скатилась по щекам. Я знаю, что будет дальше.

Он не привык к отказу. Он не терпит отказа…

Его рука цепляется в мои волосы и одним махом возвращает меня на кровать, чуть не оторвав голову от тела. Я оказываюсь перед ним на коленях, ощущая, насколько уязвима. Каждая клетка моего тела кричит о том, что нужно бежать. Но физически я не могу ничего…

Перед глазами мутные круги. И его член, от которого воняет кислятиной, потом и чем-то ещё неимоверно противным. Он бьёт меня им по носу, по губам и по щекам, размазывая остатки слёз.

— Мы с тобой месяц уже не трахались! — орет он, и его голос бьёт по ушам. — Не выделывайся!

Его глаза сужаются, а ноздри раздуваются. Он “бьёт” мерно, унизительно, как бьют вещь, которая не имеет права на отказ.

— Открой рот! — орёт он. — Открой, сука!

Сжимаю челюсти так, что сводит скулы. Мои ногти впиваются в его бёдра, заползая под кожу. Я знаю, что ему боль-

но и что получу за это ещё больше… Но мне противно всё… Его руки, его голос, его дыхание, его существование.

Он сам — сплошная мерзость.

Мои руки поднимаются сами собой и толкают его в живот. Он пошатывается, гулко падает на пол и разъярённо смотрит на меня. Я сворачиваюсь в комок, закрываю живот и лицо.

И знаю, что это не поможет…

— Ты чё, сука?!

Его кулак летит в висок. Оглушающий, звонкий удар. Мир взрывается белым светом и болью. Звон в ушах заглушает все остальные звуки. Я падаю на бок, на холодную простыню. Боль растекается по черепу волнами. Из носа что-то теплое и соленое. Кровь. Я чувствую ее вкус на губах. Вижу темные капли на серой ткани простыни.

Он стоит надо мной, тяжело дыша, его лицо это маска ярости. Его рука снова тянется ко мне…

Я вдруг понимаю, что задыхаюсь. Воздух не поступает в легкие. Тело трясет мелкой, неконтролируемой дрожью. Ладони мокрые от пота, несмотря на холод. По спине бегут ледяные мурашки. Сердце колотится так, что кажется, вот-вот разорвется. Голова кружится. В глазах темнеет. Слезы текут ручьями, горячие и беззвучные. Я обхватываю колени руками, пряча лицо. Я не могу дышать. Не могу думать. Только чувствую. Боль. Унижение. Отвращение. Панику. Всепоглощающий, парализующий страх, что это никогда не кончится. Что я всегда буду этой жертвой…

Но он больше не трогает меня.

Он что-то кричит, трясет кулаком, но я не слышу слов. Только глухой, нарастающий гул в ушах и бешеный, неровный стук собственного сердца. Он молча, тяжело поворачивается, ударяет меня ногой по бедру, бормочет что-то вроде "истеричка" и "сама довела". Натягивает штаны и футболку, а затем выходит. Дверь хлопает с такой силой, что с полки падает кружка и разбивается вдребезги.

Я остаюсь одна. Свернувшись калачиком на кровати. Дрожа вся, как в лихорадке. Воздух со свистом врывается в легкие. Я задыхаюсь…

Чувствую, как кровь стекает по лицу. В ушах гудит. В голове пульсирует боль. Слёзы текут по щекам, смешиваясь с кровью. Я смотрю в одну точку на потолке и плачу.

Опять. За то, что не дала. В последний раз он бил меня три месяца назад. Тоже ушёл, не пришёл до утра. Потом принёс цветы, стоял на коленях и говорил, что не знает, что на него нашло.

А потом была тишина. Три месяца. Он уехал на вахту, и я осталась одна. Впервые за год. Без его храпа, без его крика, без его запаха. Только я, комната, плесень и тишина.

И я была счастлива. По-настоящему. Я даже забыла, каково ждать удара. Забыла, как сжимаются плечи, когда слышишь шаги в коридоре. Забыла, как холодеют руки, когда слышишь его голос.

Я забыла его. И это было самое лучшее время за весь год.

А теперь он вернулся и всё повторилось. Сильнее, чем раньше. Потому что он не привык. Потому что он не терпит, когда ему говорят «нет». Потому что я его вещь, а вещи не разговаривают.

Я провожу языком по разбитой губе и морщусь. Больно. Привычно.

Привычно терпеть. Привычно бояться. Привычно не жить, а выживать.

Он ушёл. Опять. Хлопнул дверью, разбил кружку, оставил меня на полу с кровью на лице и потолком, у которого семь трещин. Он не вернётся до утра. А может, вернётся через минуту. Может, найдёт себе другую, которая не будет говорить «нет». Которая будет терпеть. Которая будет верить цветам. Мне почему-то от этой мысли не больно. Мне вообще уже давно не больно от мыслей о нём.

Больно только от тела. От синяков, от разбитой губы, от ноющего виска. А душа уже давно онемела.

Медленно поднимаюсь с кровати. Тело не слушается. Ноги дрожат, как у новорождённого оленёнка. Я держусь за всё подряд, лишь бы не упасть. Дохожу до раковины, включаю холодную воду и подставляю лицо. Кровь медленно сливается в раковину, оставляя после себя красную дорожку.

Я смотрю на себя в зеркало. Долго, внимательно, как на чужую. Левая скула припухшая, красноватая, к вечеру будет синяк. Из носа виднеется ярко-красная кровь. Нижняя губа разбита прямо по середине. Волосы спутанные, растрёпан-

ные, пряди торчат в разные стороны. Глаза красные и заплаканные. В них пусто.

Он выжег всё, до тла, до последней капельки…

Мешки, как у старухи. Или как у человека, который не спит годами. На шее следы от его пальцев и побоев. К вечеру тоже будут синяки…

Бёдра усыпаны кровоподтёками. На запястьях красные полосы.

Я похудела, но он всё ещё считает меня толстой…

Я сломанная кукла, над которой долго издевались. Я как эта старая, серая комната. Только плесень у меня внутри. Она расползается по мне так же, как по стенам. Незаметно, но верно. Скоро она съест меня всю. Если я не уйду. Если не поступлю.

Если не сбегу…

Я отворачиваюсь, больше не в силах смотреть на саму себя. Медленно возвращаюсь в комнату. Взгляд падает на тумбочку, на которой лежит одинокий ключ от кондитерской.

Мой разум проясняется. Бросаю взгляд на часы. Двенадцать ночи. Начальница же не уволит меня? Я единственная, кто там работает… Я успею выспаться до начала смены, если пойду туда прямо сейчас…

Я неуверенно стягиваю ключ с тумбочки и сжимаю его в ладони. Если Глеб вернётся, то точно не оставит меня в живых.

Нужно бежать… И желательно поскорее.

Украдкой бросаю взгляд на дверь. Я должна исчезнуть за минуту. Не больше. Не знаю, где он, но он не должен меня видеть…

Распахиваю шкаф. В глаза бросается тёплый замшевый костюм, купленный на новогоднюю премию. Я надеваю его по особым случаям. Как раз сегодня именно такой.

Особый случай, чтобы уйти.

Адреналин бьёт в виски. Я быстро одеваюсь, кое-как держа равновесие. Руки ходят ходуном. Костюм прилипает к коже, воздух вокруг вдруг становится горячим. Я натягиваю рваные кроссовки, набрасываю джинсовку, хватаю телефон и ключ, а только после этого выключаю свет.

Выглядываю из комнаты. Огромная чёрная тень, брошенная в коридор из кухни, зловеще подносит стакан к губам. Он снова пьёт. В этот раз один. Утром будет говорить, что ему стыдно что он не хочет, что я сама его довела. Я знаю этот сценарий не хуже их совместных пьянок с соседями.

Я слишком хорошо его знаю…

Нужно осторожно улизнуть. И я знаю, что вернусь…

Потому что больше некуда.

Я осторожно приоткрываю дверь. Петля тихо скрипит, но мне кажется, что этот скрип слышит весь дом. Я замираю. Считаю до пяти. Тень Глеба в коридоре не двигается. Значит не заметил…

Я выхожу, едва касаясь пола. Иду вдоль стены, постоянно оглядываясь. Мне кажется, он слышит меня… Чувствует

мой страх и запах и вот-вот выскочит и схватит за горло, а потом заставит вернуться.

В темноте обо что-то спотыкаюсь и закрываю рот рукой, чтобы не кричать. Бутылки. Стеклянные. Если я пойду дальше, то могу шуметь… Чёрт.

Достаю телефон из кармана. Осторожно свечу экраном на пол и медленно переступаю каждую бутылку. Спина напряжена до боли. Лопатки сводит. В горле ком. Руки ледяные, хотя в замшевом костюме должно быть тепло.

Везде, только не здесь…

Дохожу до лестницы и спускаюсь. Голова кружится настолько, что приходится держаться за перила, которые качаются под рукой. Они старые, ржавые, шатающиеся, как всё в этой общаге.

На первом этаже вахтёрская. Свет горит. Внутри тётя Зина, вахтёрша, спит на диване перед телевизором. Я прохожу мимо, не дыша. А затем толкаю тяжёлую металлическую дверь, которая со скрипом поддаётся вперёд.

Прохладный ночной воздух ударяет в лицо. От него голова начинает кружиться ещё сильнее. Я прижимаюсь спиной к стене здания и выдыхаю, стирая слёзы с лица.

Я впервые сбежала от него… И я не могу в это поверить.

Мне хочется плакать от счастья горя одновременно. Я знаю, что мне придётся вернуться. Придётся терпеть его побои. Придётся ещё целых три месяца сдерживать рвотные позывы рядом с ним. И только если я поступлю и съеду, то

смогу нормально выдохнуть.

Если поступлю…

Сжимаю ключ в руке. Нужно идти туда. Там безопасно, тепло и уютно. Там меня не тронут ночью… Там я смогу поплакать и отдохнуть. А, возможно, даже поспать пару часов до начала смены.

Ноги трясутся, но я заставляю себя идти. Ветер больно ударяет, едва не разрывая на мне одежду. Я кутаюсь в джинсовку, прикрываю горло и иду. Огни ночного города освещают путь. Здесь так тихо… Спокойнее, чем в той общаге, в которой я едва не лишилась жизни…

Он же реально может меня убить. Однажды он просто не рассчитает силу… Родители будут искать меня по всему городу и узнают правду… Что я не поступила в прошлом году. Что жила с абьюзером-алкоголиком. Что он убил меня в порыве страсти за то, что я не дала себя трахнуть.

Слёзы снова скатываются по моим щекам, когда я прокручиваю в голове всё это дерьмо. Мама не знает ни о чём… Они сидят в селе, думают, что я примерная студентка лингвистического ВУЗа и живу в общежитии с девочками, учусь. В то время, как мне приходится выживать из-за одной ошибки, совершённой год назад. Я еле-как свожу концы с концами, работаю бариста в кондитерской. Все мои деньги уходят на оплату кредитов суммой в сто пятьдесят тысяч, а Глеб не даёт ни копейки.

Мне просто стыдно. За всё.

Шумно вдыхаю ночной воздух. Прохлада после дождя приятно освежает лицо, но больно пощипывает ранки. Ноги медленно плетутся по асфальту, перенося моё едва живое тело. Кажется, у меня истерика… Или она не так выглядит? Почему я не могу успокоиться?

Я не сразу понимаю, что пришла. Неуверенно сжимаю ключ в кулаке, смотря на дверь кондитерской. Может, лучше лечь здесь, на лавочке? А если дождь? А если он припрётся и сюда, чтобы забрать меня? А вдруг меня уволят? Я была так уверена в той комнате перед побегом, а здесь впадаю в отчаяние.

Мне страшно…

Но она же не уволит меня? Я не делаю ничего противозаконного, у меня завтра смена… Я просто осторожно зайду и сяду на диванчик до утра, а утром открою смену.

Помещение не охраняется, камера записывает только онлайн. А значит, она не сможет отследить, что я там. А если сможет, то я могу всё объяснить. Я даже расскажу всю правду…

Рука ходит ходуном. Я оглядываюсь. Пусто. Даже одинокая бездомная собачка Лилу, с которой мы иногда делим завтраки и ужины, куда-то сбежала. Сглатываю ком в горле. Я пришла. Значит, нужно остаться.

Осторожно подхожу к двери и пихаю ключ в замочную скважину. Три оборота влево. Дверь открывается сама со щелчком. Запах кофе ударяет в нос, вызвав лёгкую щекотку.

Там тихо, темно, спокойно…

Аккуратно захожу внутрь и закрываю дверь. В глаза бросается камера. Осторожно, словно ниндзя, я прохожу дальше и наклоняюсь к розетке, а затем выключаю устройство.

Вот теперь спокойно. Главное не забыть включить обратно утром...

Я выдыхаю и включаю свет. Сажусь на диванчик у одного из столиков и оглядываю пространство. Слёзы с новой силой скатываются по щекам. Моя жизнь — погань. Ничего светлого, хорошего, удачного. Только сплошная чёрная полоса без единой капли света.

Я устала. Я больше не могу всё это терпеть. Мама не знает о происходящем в моей жизни. Я не рассказываю, потому что мне стыдно… Но руки совсем опускаются. Они с папой сами в долгах, сидят в деревне и кое-как сводят концы с концами. Если я расскажу им правду о своей жизни и вернусь домой, то они просто меня убьют…

Взгляд падает на самый дальний столик в углу. Его столик… Того-самого незнакомца, который здесь каждый день с шестнадцати до восемнадцати. Малиновый латте. Стук клавиш в ноутбуке. Его голубые глаза, в которых можно утонуть. И его парфюм, стоящий как три моих зарплаты, каждый раз сводящий меня с ума.

Я неуверенно поднимаюсь с места и осторожно сажусь на стул, за которым сидит он. Непривычно… Здесь должен сидеть он, а не я. Я бросаю взгляд на бар и улыбаюсь. Он все-

гда меня видит. Наверное, поэтому он каждый раз прожигает меня взглядом. Но мне нравится это “прожигание”, хоть я не могу признаться в этом даже сама себе.

Я скрещиваю руки на столе и опускаю на них голову. Дерево пахнет им… Нос жалобно впитывает в себя его парфюм, тело стонет. Здесь невыносимо одиноко без этого парня. Он стал родным за этот короткий срок, и я уже отвыкла от того, что могу находиться здесь одна. Он придёт сегодня? Надеюсь, что да… Или пусть лучше не приходит. Пусть не видит мои синяки… Хотя ему, наверное, всё-равно. Здесь просто тихо и спокойно, удобно работать… Вот и весь ответ.

Я неохотно тянусь к телефону в кармане и кладу его на стол. Будильник заведён на семь, но с условием завтрака и дороги до работы. А если я уже здесь, то можно проснуться и в восемь тридцать. А позавтракать можно и в смене, людей всё-равно нет. Главное успеть подготовить точку к открытию.

Перевожу будильник. Неохотно встаю, выключаю свет. А затем возвращаюсь на прежнее место.

Его запах сводит меня с ума… Так пахнут дорогие мужчины… Не такие, как Глеб. От Глеба пахнет пивом, потом и рыбой. От этого парня тёплым деревом, сандалом и чем-то ещё неимоверно мужским, сладковатым. Чем-то, что я не могу назвать. Чем-то, что хочется вдыхать всю жизнь…

Веки слипаются. Здесь так тихо, спокойно и безопасно, что сон сам прорывается в моё сознание, наполняя каждую

клетку тела. Я готова уснуть прямо за этим столом, плевать. Главное, я не в общаге с Глебом.

Здесь тихо, тепло и безопасно. Это место ощущается, как дом.

Дом, которого у меня нет…

Глава 2

Впервые за долгое время я чувствую себя по настоящему выспавшейся. Сон был глубоким и тяжёлым, несмотря на то, что уснула я за столом. Мне ничего не снилось… Видимо, мой организм настолько вымотан всем происходящим, что отключил всю фантазию и визуализацию. Я отлично выспалась, несмотря на то, что моё тело ноет так, словно его переехал грузовик. Каждый мускул напоминает о том, как вчера Глеб таскал меня за волосы и избивал. Особенно болит челюсть, где его кулак встретился с моей костью. Губа немного припухла от разбитой ранки.

Но внутри меня спокойно. Пусто. Словно ничего не произошло…

В кондитерской тихо и прохладно. Яркий утренний свет льётся через окно, освещая всё вокруг и слегка согревая. Горячий чай с тропическими фруктами обжигает язык. Я всё ещё чувствую.

Чувствую себя живой.

Телефон в кармане фартука снова завибрировал. Глеб не успокаивается… Его сообщения сыпятся одно за другим, не оставляя времени для размышлений.

Я вздыхаю и дрожащими пальцами достаю телефон. Мне хочется закатить глаза так высоко, чтобы было видно мой мозг, если он вообще там есть…

"Где ты? Вернись!";"Ева, прости! Я не хотел!";"Ты сама спровоцировала!";

"Долго ты ещё будешь выделываться?";

"Ответь".

Меня накрывает злость. Я блокирую его номер, отрезая возможность общения. И сую телефон обратно в карман фартука, словно пряча улику.

Он знает, где я работаю. Может прийти и устроить скандал… Эта мысль заставляет мою спину похолодеть.

Я ненавижу его всеми фибрами своей души. Если бы я знала, чем может обернуться случайный пьяный секс с ним на дне рождении Алины, то никогда в жизни бы не подпустила его к себе…

Телефон опять завибрировал. Я нахмурила брови и быстро вынула его из кармана. Не Глеб, начальница…

“Доброе утро. Сегодня инвентаризация перед выходными. Посчитай всё. Скоро приедет поставка. Привезут смесь для вафель, масло, расходники и сиропы”.

Зашибись…

Я люблю эту кондитерскую, но ненавижу инвентаризацию и всё, что с ней связано… Почему вообще я должна этим заниматься, если сюда ходит только один гость? Неужели начальница действительно думает, что я могу воровать продукцию?

У меня нет сменщика, я одна тяну эту точку и работаю в графике пять через два с десяти утра до десяти вечера.

Почему бы ей самой не проводить инвентаризацию в субботу и воскресенье, когда она выходит в смены?

Глупо задавать ей эти вопросы, ведь ответ я уже заранее знаю…

Кофемашина зашипела, выпуская пар.

— Согласна… Я тоже не в восторге, зайка. — грустно ответила я ей.

Придётся прочесать все полки, холодильник, витрину и даже кладовку. Больше всего я не люблю считать трубочки и пластиковые ложки… Это абсурд. Но начальнице всё-равно…

Ярость вновь поднимается удушающей волной. Иногда мне кажется, что я робот. Ну или что она думает именно так… Что я не человек, что я не устаю в таком режиме и что плевать вообще, что я думаю на этот счёт.

Я достаю тетрадь учёта и беру ручку. Тяжело вздохнув, я заполняю сегодняшнюю дату. Руки дрожат, цифры получаются корявыми. Уже середина июня…

Мысли путаются. Универ, экзамен, работа, Глеб, общага… Паника медленно подползает, сжимая моё горло. В моей жизни происходит много всего, но при этом ничего не меняется.

Слёзы подступают к глазам, но я сжимаю челюсть. Не сейчас… Как-нибудь в другой раз.

Резко открытая дверь заставляет меня вздрогнуть. Курьер… Спасибо, что не Глеб.

Молодой парень в синей куртке закатывает тележку с какими-то мешками и коробками внутрь кондитерской. Молча, даже не поздоровавшись, он оставляет мешки у бара прямо на виду и уходит, хлопнув дверью.

Злость накатывает новой волной. Я выхожу из бара и оцениваю масштаб проблемы. Мешки неподъемные… Как я должна их тащить? Почему три мешка? Что в них? Зачем так много?

Я не буду тащить это в бар. Раз уж все вокруг такие умные, что не считают нужным спрашивать меня о чём-либо, то пусть разбираются с этим, как хотят...

Я возвращаюсь и продолжаю считать расходники. Думаю, на это уйдёт часа два, не меньше. Тело всё ещё ноет после вчерашнего, но я заставляю его работать. Синяк на боку пульсирует жгучей болью. Сегодня мне придётся вернуться в общагу… Мне нужно в душ и переодеться. Я не смогу вечно жить здесь, даже если ни разу не попадусь начальнице. Здесь просто нет необходимых условий… Если бы в кладовке был диван и маленькая раковина и мне бы предложили ночевать тут хотя бы раз или два в неделю, я была бы в восторге. Я бы припёрла сюда тазик, полотенце и то самое мыло за двадцать восемь рублей, сама бы организовывала себе душ и была бы самым счастливым человеком на земле.

Руки начинают гореть, а спина кричит от боли. Нужно менять работу… Ежедневные смены на ногах по двенадцать часов дают о себе знать проблемами со здоровьем. Да и в це-

лом, если бы у меня была зарплата побольше, то я могла бы снять себе какую-нибудь комнату или квартиру на пару месяцев до поступления.

Но пока остаётся только мечтать.

Дверь снова хлопнула. Я замираю, ощутив знакомый аромат парфюма. Машинально шмыгаю носом пытаясь впитать в себя как можно больше частичек его запаха. Быстро взглянув на часы, удивляюсь. Ровно двенадцать. Он здесь… Но почему так рано?

Я откладываю в сторону тетрадь учёта и подхожу к кассе. Родной незнакомец возится с розеткой, пытаясь воткнуть шнур от ноутбука. Машинально улыбаюсь. Он даже не представляет, как я рада его здесь видеть.

— Добрый день! Вам как обычно, латте с малиновым сиропом?

Расправившись с розеткой, он медленно подходит к кассе. С каждым его шагом мне становится всё труднее дышать. Аромат мужского парфюма заполняет кофейню, голова начинает кружиться. На нём самая обычная белая футболка, которая обтягивает каждый мускул, а вот джинсы наоборот широкие. Часы на руке отбрасывают солнечных зайчиков по всей кондитерской. Левая рука забита татуировками. Цветы лилии, волк, стрелки, какие-то даты… Весь его образ словно создан из тысячи мелких деталей. И он выглядит так… Органично.

И сексуально.

Я бы не подумала, что смогу захотеть мужчину, которого даже не знаю… Но в мысли лезет всякая пошлятина. Чёрт возьми, он действительно сводит меня с ума.

В голове проносится образ Глеба, который не стоит даже рядом. Прокуренная и рваная одежда, запах перегара и пота, небритость и поросячий взгляд заставляют мой желудок свернуться.

А тут этот парень… Я даже не знаю, как его зовут, но он мужчина. Настоящий. Или нет? Я его придумала… Но он есть.

Сложно…

— Добрый… — он замирает, так и не дойдя до кассы. Его голубые океаны испуганно осматривают меня с головы до ног. Я чувствую себя голой… Почему мне неловко перед ним? Он сканирует меня так, что мои ноги начинают подкашиваться.

Чёрт…

Он видит мои синяки и разбитую губу…

Я машинально опускаю голову, словно мне стыдно. Что-то внутри меня кричит о том, что он обеспокоен. Вновь поднимаю глаза, он тяжело выдыхает и едва заметно кивает головой.

Латте с малиной. Ничего более. Но между нами такое напряжение, что ещё секунда и что-нибудь обязательно загорится…

Вбиваю в программу напиток и сироп. Он молча оплачи-

вает картой. Успешно. Отворачиваюсь к бару и приступаю к готовке. Всем нутром ощущаю его взгляд. Эспрессо тяжело тянется через таблетку, пока я взбиваю молоко.

Интересно, что он думает? Переживает? Выглядит испуганным, смотря на меня. Но не спрашивает…

Как он может на меня так влиять? Такое чувство, что только что мама отчитала меня за то, что я терплю насилие от Глеба. Этот парень сделал это молча. Как?!

Чёрт, чуть не перегрела молоко…

Беру бумажный стаканчик и смешиваю с эспрессо, оставляя сердечко на поверхности. Закрываю крышкой. А затем ставлю на барную стойку, с трудом улыбаясь незнакомцу.

— Спасибо. — роняет он, улыбается в ответ и медленно отходит к своему столику. Садится за ноутбук.

Интересно, если он пришёл раньше, то уйдёт сегодня тоже раньше? Или пробудет как и обычно?

Что у меня в голове?

Возвращаюсь к расходникам и книге учёта. Руки не слушаются. Мысли скачут, как кузнечики. Рабочие дела у меня не получаются, как ни крути…

Может, я просто устала? И цепляюсь за то, что рядом и в поле моего зрения?

Сегодня придётся возвращаться в общагу… Может, забрать документы и уйти без вещей? Переночевать могу и на вокзале. Получу зарплату и сниму себе какое-нибудь жильё до момента поступления. Но тогда я потрачу все деньги…

Чем я буду оплачивать кредиты? Или лучше просрочки, но без Глеба? Определённо да. Терпеть его побои я не хочу…

—... Извините.

Голос родного незнакомца застаёт меня врасплох. Я сглатываю ком в горле, подняв глаза. Он стоит у кассы, сжимая в руках тот-самый стаканчик с кофе. Я метнулась вперёд, виновато глядя на него. Аромат его парфюма едва не сбивает меня с ног.

— Что-то не так? — неуверенно спрашиваю я, ощущая, как пальцы на руках холодеют.

— Вы не добавили сироп? Я размешал, но кофе не сладкий…

В его голосе искренний вопрос без капли презрения. Я отворачиваюсь, чтобы скрыть краску стыда, заливающую щеки. Руки дрожат.

И вижу, что малиновый сироп, налитый мной в джиггер, так и остался на столешнице…

Паника сжимает горло. Я замерла, понимая свою ошибку.

— Простите, — выдавила я, чувствуя, как жар разливается по лицу и шее. — Я… Забыла добавить сироп. Я сейчас… Переделаю.

— Не нужно. — он тепло улыбается, в глазах читается понимание. — Вы в порядке?

Я? Точно нет… Он интересуется? Зачем?

Я подтягиваю рукава ближе и прячу в них пальцы. Его голубые и пронзительные глаза сканируют меня.

И всё видят…

Я чувствую, как мое тело дрожит. Слезы предательски поступают, пытаясь меня обезоружить.

Он просто поинтересовался. Я отвечу, что ничего не в порядке, что потом? Никто не спасёт меня из того ада, который я сама устроила. Так что нет смысла выворачивать свою душу наизнанку.

— Мне нужно работать…

— Я могу вам помочь.

Он говорит это так спокойно, будто хочет передать мне салфетку. Я поднимаю на него глаза и хмурюсь.

Помочь? Мне?

— Чем вы мне поможете? — отчаянно спрашиваю я, ощутив, как слеза всё-таки предала меня, скатившись по щеке. — Поможете разобрать поставку?

Он продолжает сканировать меня. На его лице не дрогнула ни одна мышца от моей язвительности. А вот я готова провалиться сквозь землю…

Я перегнула… Не стоило так отвечать…

Дура.

— Извините, я… Я не хотела вас обидеть, простите… Давайте я сейчас переделаю вам кофе и… Можете выбрать десерт за мой счёт.

Голос дрожит. В нем звучит больше горечи, чем я хотела бы. Я на грани того, чтобы разреветься окончательно…

Уголки его губ поползли в стороны. Он немного накло-

няется вперед через стойку. Я открываю рот, пытаясь справиться со своим дыханием. Его аромат ударяет мне в нос. Такой знакомый и успокаивающий…

— Я не обижаюсь, правда. А по поводу остального… Я могу обеспечить вашу безопасность. Предоставить вам охрану или жильё на время.

Каждое его слово бьёт в цель. Моё сердце бешено колотится.

Это шутка?

— У меня нет таких денег…

— Разве я сказал что-то о деньгах?

В его голосе прозвучала лёгкая, едва уловимая насмешка с оттенком удивления. Почему он вообще говорит это?

—... Придётся расплачиваться чем-то другим? Предложите мне что-нибудь экстравагантное?

Широкая улыбка преобразила его лицо. Я не заметила, как улыбнулась в ответ, опустив голову и краснея.

— Мне нравится ваш юмор. Но я действительно могу вам помочь…

Любопытство смешивается с отчаянием и каплей безумной надежды. Безопасность? Охрана? Жилье? От Глеба? От этого ада?

Звучит, как мечта…

— Я…

Дверь кондитерской опять распахнулась. Начальница ворвалась в помещение, заполонив всё своим присутствием. Её

лицо излучает злобу и недовольство. Она окидывает владения взглядом, пытаясь уцепиться за что-то важное. За ней двое мужчин тащат какую-то металлическую конструкцию. Судя по их дыханию, она довольно тяжёлая…

— Это… Что такое? — спрашиваю я, нахмурив брови.

— Блинница. Мы же вводим сытные блины. — даже не взглянув на меня, произнесла она.

Какого чёрта?

— Да, но…

— Вот сюда ставьте. — говорит она мужчинам, указывая на единственное свободное место в баре.

— Я думала, что блины будут уже готовые…

— Нет, Ева, готовить будешь ты.

— Я?!

Внутри меня в очередной раз закипает злость. Я ничего не понимаю…

Начальница на мгновение замирает, а спустя секунду окидывает меня тяжёлым взглядом. Она складывает руки на груди и выдыхает.

— Я пришла на должность бариста. Я делаю кофе…

— Ева, что за бунт?

— Я не повар…

— Ты же понимаешь, что твоя зарплата вырастет, благодаря этим блинам?

— Я не буду ничего готовить!

— Ты думала, что весь день будешь стоять за стойкой и

улыбаться, бесконечно перебирая свои бумажки?

Я чувствую, как мои пальцы сжимаются в кулаки. Ногти больно впиваются в ладони. Откуда-то из груди поднимается удушающий комок несправедливости.

— Я бариста. — спокойным тоном повторяю я.

— Хорошо. Могу найти другую девочку. Желающих полно.

— Правда? Что-то не видно… Где обещанный персонал? Почему я одна должна всем этим заниматься?

— Ты вообще в курсе, что тебе платят за работу? Ты не бесплатно здесь находишься…

Внутри меня что-то трещит. Это похоже на глыбу льда, которая внезапно попала в кипяток. Сердце колотится в горле. Последняя капелька терпения переполняет чашу…

— Я. Не буду. Ничего. Готовить.

— Хорошо. Дорабатываешь до конца смены и свободна.

—... Вы увольняете меня? Серьёзно?

Меня колотит от злости и несправедливости. Как она смеет?

—... Да, ты верно поняла.

—... Хорошо. Расчёт. Прямо сейчас.

Я ни секунды не хочу здесь оставаться… Мне хочется забрать свои честно заработанные деньги и уйти насовсем. Я выгорела, но боюсь сама себе в этом признаться…

Начальница усмехается. Кажется, её совершенно не пугают мои доводы.

— Дорабатывай до конца смены.

—... Вы специально? Ты должны отдать мне деньги прямо сейчас.

— Я тебе ничего не должна. И вообще… Ты здесь неофициально. Я ни разу не видела твоего паспорта или медицинской книжки. Она у тебя вообще есть?

— Я вас удивлю, но есть. А вот её отсутствие создало бы проблему вам, а не мне. Вы хотите, чтобы я обратилась в трудовую?

— Что ты можешь доказать? Кто скажет, что ты тут работала? — Вообще-то, я свидетель.

Голос таинственного, но родного незнакомца рассеивает воздух. Я поворачиваюсь в его сторону, ощущая дрожь во всём теле. Я не верю…

Он вступается за меня. Никто никогда этого не делал…

Начальница оценивающе оглядывает парня. Она пытается создать иллюзию величия и держать лицо, но я вижу, как её глаз начинает дёргаться. За время работы в её кондитерской я научилась различать её эмоции.

Она в шоке, что ей кто-то смеет перечить…

— Я уже несколько недель хожу сюда. — продолжает он. Его голос такой глубокий, бархатный и красивый по-мужски, что у меня бегут мурашки по телу. — И каждый раз вижу одно и то же, что эта девушка в смене. Я правильно понял, что вы только что уволили своего единственного сотрудника?

Он говорит это так ровно и спокойно, будто обсуждает но-

вости спорта или погоду. А я чувствую себя… Защищённой. Словно так и должно быть.

— Это внутреннее дело кондитерской. — говорит начальница и выпрямляется. — Не вмешивайтесь.

— Как вы общаетесь с гостем? Не стыдно?

Я скрещиваю руки на груди, наклоняю голову и выпрямляюсь во весь рост. Смотрю на начальницу. От злости на её шее вздувается вена.

Она растеряна. По-настоящему…

—... Вы просто гость. Зашли, выпили кофе и ушли.

— Я – ваш единственный гость. Который ходит сюда каждый день. Который видит одну и ту же девушку за стойкой. Без сменщика. Без обеда. Сколько лет вы работаете в убыток?

Она замирает. Молчит. Её щёки краснеют, а глаз начинает дёргаться только больше.

— Я не обязана отвечать на ваши вопросы. Что вы хотите?

— Расчёт. Сейчас же. Иначе я звоню своему юристу. И мы поднимаем вопрос о неофициальном трудоустройстве, о переработках, о невыплате заработной платы, нарушении трудового кодекса. И о многом другом…

Она фыркнула, презрительно скривив губы. Кажется, она не ожидала такого исхода.

А я вообще в шоке…

Я перевожу взгляд на парня, который улыбается мне одним только уголком губ. Его голубые океаны скользят по мо-

ему лицу в одобрении. Я бросаю ему едва заметную улыбку и замечаю искру в его глазах.

Начальница скрипит зубами, что-то бубнит и лезет в свою сумку. Достаёт кошелёк, выкладывает на барную стойку четыре купюры по пять тысяч рублей и злобно смотрит на меня. Её уверенность тает, словно дым.

— Сочтёмся на этом.

— Нет, не сочтёмся. — отвечаю я, схватив деньги так, словно у меня их наоборот отбирают. — Вы должны мне ещё десять тысяч за отработанные дни.

— Продаж не было, ты прекрасно знаешь. — она бросает кошелёк в сумку. — Дорабатывай до конца смены и свободна.

—... Вы что, серьезно?

— Абсолютно.

Внутри меня бушует ураган обиды и гнева. Я тянула эту точку одна, работала сверхурочно и была здесь почти всегда. Как она так может?

—... Вы сами сказали, что я здесь не официально.

— И что?

— А значит и дорабатывать я не обязана! — я срываю с себя фартук и швыряю ей в лицо. — Я ухожу.

— Ты не можешь уйти. Смена до десяти!— Вы меня уволили!

Я беру телефон, складываю купюры в карман штанов и выхожу из бара.

— Ева, я вызову полицию, если ты уйдёшь…

— А давайте! — я оборачиваюсь и иду спиной в сторону выхода. — Им будет очень интересно послушать о том, как вы относитесь к своим сотрудникам.

Я толкаю тяжёлую дверь вперёд и ныряю в июньскую жару. На мгновение прикрываю глаза. Неуверенно останавливаюсь, затем делаю шаг.

Что это только что было?

Она уволила меня. Теперь я официально без жилья и работы… Осталось только, чтобы Глеб выгнал меня из общаги. Если сама не уйду…

Приземляюсь на ближайшую лавочку, жмурюсь от солнца. Что дальше? Может, уехать к родителям домой? Там нет заработка, я не смогу оплачивать свои кредиты. Можно ли взять кредитные каникулы? Так-то я не работаю… Мама убьёт меня, когда я расскажу ей правду.

Я не хочу в общагу. Не хочу домой в село, хоть и скучаю. Не хочу ничего…

Я устала. Я вымотана. Я хочу просто лечь и больше никогда не вставать.

— Девушка!

Я оборачиваюсь. Тот-самый незнакомец приближается к лавочке, держа в руке свой ноутбук. Солнце мягко освещает его светлые и слегка взъерошенные волосы. Белая футболка ослепляет. Он похож на ангела…

На слишком красивого ангела…

Он аккуратно присаживается рядом, тоже жмурясь от солнца. Я на секунду прикрываю глаза, когда снова чувствую аромат его парфюма.

—... Спасибо, что вступились за меня. — я стараюсь говорить громче, но мой голос дрожит.

— Ерунда. — бодро произносит он и улыбается. — Я Никита, кстати. Давай на “Ты”?

Ух ты. Я теперь знаю его имя… Он никогда раньше не называл его.

—... Ева. — я протягиваю правую ладонь и чуть не замираю, когда его влажная и большая рука касается моей так нежно, словно держит что-то хрупкое. Дыхание сбивается напрочь. — Давай.

В голове диссонанс. Не верю в происходящее.

Я мечтала прикоснуться к нему всё это время… А теперь он сидит рядом со мной на лавочке и предлагает перейти на “Ты”. Обалдеть…

—... Ты не ответила на мой вопрос. Сказала, что тебе нужно работать.

Я сглатываю ком в горле и тихо смеюсь. Ну да, теперь я безработная, могу ответить на всё, что угодно… Забавный.

—... Всё нормально.

— Врёшь.

—... Вру.

Мы смеёмся, переглядываясь. Ранка на моей губе трещит и рвётся, кровь брызгает вперёд. Я судорожно вздыхаю

и прикладываю палец к губе, он мгновенно окрашивается красным.

— Держи. — Никита протягивает салфетку.

— Спасибо. — я прикладываю её ко рту, шумно выдохнув носом. Всё не слава Богу…

—... И кто это сделал?

Я смотрю на Никиту, который терпеливо ожидает моего ответа. Опускаю голову вниз. Мне становится стыдно…

Рассказать ему про Глеба? Про историю нашего знакомства и про мои несбывшиеся планы? Точно нет… Это слишком. Но и врать я не могу. Как быть?

—... Долгая история.

— Ну у нас теперь куча времени.

— Особенно у меня. — вновь улыбаюсь. — Целый вагон.

Наши взгляды сталкиваются. Глаза Никиты не просто голубые океаны… Это ледяная бездна, куда можно провалиться и утонуть окончательно.

Я неловко вжимаюсь в спинку лавочки, напрягая плечи. Наверное, я не готова рассказывать ему всё и сразу. Я никому не говорю о том, что у меня происходит. Но иногда мне так хочется с кем-нибудь поделиться мыслями…

— Ты голодная? — внезапно спрашивает он.

Мой желудок отвечает на его вопрос урчанием. В последний раз я ела вчера… Тот-самый “суп” Глеба. Пора уже было позавтракать и пообедать…

Я чувствую, как краснею. Никита тепло усмехается, пода-

вая мне свою ладонь. У него такие красивые руки… Сильные, с длинными пальцами, чётко очерченными сухожилиями. У Глеба безобразные сбитые костяшки с грязью под ногтями… А у Никиты… Как инструмент. Красивые, точные, чистые и приятные.

— Куда? — неуверенно спрашиваю я, вложив свою ладонь в его.

— Нам нужно поесть. — он бросает мне быстрый взгляд. — Хот-доги? Картошка фри? Суши? Ресторан?

Мои щёки расплываются в улыбке. Никита терпеливо смотрит на меня, ожидая ответа.

Точно не ресторан. Что-нибудь горячее, сытное и питательное. То, что будет медленно перевариваться…

—... Хот-доги, — выдавливаю я, убирая салфетку с губы и увидев, что кровь остановилась. — Сто лет их не ела.

— Тогда пошли скорее, пока не наступил сто первый год.

Я смеюсь. Никита бодро встаёт с места и осторожно тянет меня на себя, позволяя мне подняться. Синяк на боку ноет, но я стараюсь не подавать вида. Я следую за парнем, заглядываясь на его широкую спину. Он такой большой и… Мягкий одновременно. Он не кажется страшным от того, что сильный. Наоборот, он выглядит так, словно может защитить любого от всего мира.

Я не сразу понимаю, куда именно мы идём, а успеваю опомниться только на парковке. Чёрный седан с четырьмя кольцами на капоте бесшумно моргает фарами.

Моя челюсть едва ли не падает на пол. Никита открывает пассажирскую дверь прямо перед моим носом. Его пальцы слегка касаются моего локтя. Под тканью моего костюма пробегает электрический разряд.

— Прыгай. — с улыбкой произносит он.

Я сглатываю ком в горле и очень осторожно залезаю в автомобиль. Парень закрывает за мной дверь, обходит машину и садится за водительское сидение.

Мои глаза сравнимы только с пятирублёвыми монетами. Я никогда не сидела в таких машинах. Здесь прохладно, пахнет дорогой кожей, его парфюмом и едва уловимым ароматом брелка для авто. Приборная панель сверкает, когда Никита заводит двигатель. Вибрация проходит сквозь сиденье и отдается в моих ноющих ребрах. Яркая подсветка освещает салон.

Эта машина не сравнима ни с одной, в которых я бывала. Я вжимаюсь в сидение, ощущая себя здесь лишней. И только спустя пару секунд вспоминаю про ремень безопасности. Неуверенно тяну пряжку на себя, вставляю в замок до щелчка. Никита включает лёгкую музыку и тоже пристёгивается.

— Удобно? — заботливо спрашивает он, глядя на меня. — Могу поднять или опустить кресло.

— Всё в порядке, спасибо.

— Если вдруг будет некомфортно, то скажи.

—... Хорошо.

Мне уже некомфортно…

Ногти впиваются в ладони, когда я осознаю, что вообще происходит. Парень включает поворотник и осторожно выезжает с парковки. Мы движемся так бесшумно, будто плывём. Или вообще летим. И он так осторожно водит… Не сравнимо с Глебом и его вонючей четыркой в селе.

Я смотрю в окно, пытаясь унять тремор в руках. Я так давно просто не гуляла и нигде не была… Яркие краски города впиваются в мои глаза, заставляя широко раскрыть рот. Я пялюсь на всё подряд, стараясь запомнить как можно больше.

Общага, Глеб, работа и университет совсем высосали из меня все силы. Я забыла, что такое просто жить. Мир вокруг меня всегда был рядом, но одновременно недоступен. И мне так нравится этот глоток свободы…

Я неуверенно осматриваю салон автомобиля, но мой взгляд падает на руль. Вернее, на широкое запястье Никиты, которое свободно лежит на кожаной оплётке. Когда он поворачивает налево, его ладонь выпрямляется и уверенно ведёт руль против часовой стрелки. Сухожилия натягиваются, словно струны, а синие вены на мгновение вздуваются под кожей.

Никита возвращает руль в прежнее положение, мы едем прямо. Моё дыхание замедляется, сердце гулко стучит. Я вжимаюсь затылком в подголовник, пытаясь унять предательскую дрожь в коленях. Сосредотачиваюсь смотреть в окно, но взгляд снова и снова возвращается к его руке. Я ма-

шинально облизываю губы, провожу языком по болячке. По спине пробегают мурашки.

Я вздрагиваю так, словно меня поймали на воровстве. Силой отвожу взгляд. Но потом опять скольжу глазами по его руке.

Мне неловко. Мои глаза тянутся к нему, как к магниту…. Кажется, я понимаю, в чём причина.

Эротика. Каждый его жест, каждое действие, каждый взгляд.

Он сам состоит из сплошной сексуальности…

Я не успела опомниться, как мы оказались около супермаркета. Не грязный "Колхоз" с пивом и сигаретами, где обычно тусуется Глеб, а место с аккуратными рядами, цветами в кадках и приличной парковкой на территории. Никита глушит автомобиль и улыбается.

— Здесь должны быть самые вкусные хот-доги. — говорит он, отстегнув ремень.

Моя щека дёргается от неловкой улыбки. Боль от разбитой губы расходится по лицу волнами. Отстегнув ремень безопасности, я нащупываю ручку двери и спустя мгновение оказываюсь на улице. Запах горячего асфальта смешивается с запахом свежескошенной травы.

— Вообще-то, я сам хотел открыть тебе дверь. — говорит мне парень, оказавшись рядом и блокируя машину с брелка. В его голосе тёплая усмешка.

—... Я сама умею. Как-то не привыкла, что мужчины от-

крывают мне двери…

— Привыкнешь. — уверенно произносит он.

Я сжимаю губы. Я привыкла только к побоям, оскорблениям и унижениям… А не к нормальной жизни.

Никита слегка наклоняет голову в сторону магазина, намекая на покупку. В животе урчит. Организм протестует моей постоянной диете…

— Пойдём. Хот-доги сами себя не съедят. — напоминает парень.

Я киваю, стараясь не смотреть ему в глаза. Мы быстро пересекаем парковку и оказываемся внутри супермаркета. Здесь прохладно, пахнет выпечкой, кофе и свежими фруктами. Моя голова начинает кружиться от аромата еды.

— Ты какие любишь? — спрашивает Никита, останавливаясь у нужной витрины.

—... Гавайский, но он дорогой.

Я грустно смотрю на меню. Самый простой хот-дог стоит триста рублей. Гавайский пятьсот. Даже если я решу сегодня расщедриться, то этот обед может влететь мне в приличную сумму…

В кармане моих штанов двадцать тысяч. Но это меня не греет. Эту сумму нужно растянуть минимум на неделю… А значит и с хот-догом придётся подождать.

Пятьсот рублей. Это три дня в общаге. Это проезд. Это…

Я жую губу, с обидой глядя на меню. Во рту появляется привкус железа, ранка опять кровит. Внутри всё сжимается

от унижения. Мне двадцать два, а я не могу позволить себе чёртов хот-дог…

Да пошло оно всё к чёрту.

— Гавайский хот-дог, пожалуйста. — уверенно говорю я кассиру, доставая из кармана смятые пятитысячные купюры. — И апельсиновый сок. Оплата наличными.

Протягиваю руку с купюрой кассиру, но Никита перехватывает мою ладонь. От его прикосновения внутри меня всё замирает. Я виновато смотрю в его глаза, он тепло улыбается.

— Мне всё то же самое. — громко говорит он. — Оплата по карте.

Я нахмуриваюсь. Кассир удваивает заказ и выводит сумму на терминал. Тысяча триста рублей… Открываю рот, чтобы что-нибудь сказать, но…

Никита уверенно оплачивает заказ своей картой.

Я замираю. Смотрю на него. Потом на деньги в своей руке. Потом обратно на него. Пытаюсь понять, но не могу. Протягиваю купюру ему, но он смотрит на меня так, словно я протягиваю ему что-то грязное и ненужное.

— Убери. — тихо говорит он. — Пожалуйста.

—... Никит.

— Ева, убери. Сейчас же.

Я медленно опускаю купюру обратно в карман, пальцы дрожат. Внутри всё переворачивается. Глеб впихивал мне в руки дешёвые шоколадки, купленные на сдачу от пива, как собаке кость. Его "подарки" всегда были с душком униже-

ния. А Никита... Просто взял и оплатил мне еду. И отказался брать с меня деньги… В голове не укладывается.

Глеб бы взял… И умудрился бы себе ещё и пива купить.

— Я… Не привыкла. — выдавливаю я, глотая комок в горле. Голос звучит чужим, надтреснутым.

— Я знаю. Просто расслабься. Ты мне ничего не должна.

Я не могу смириться с поражением, но оно мне чертовски нравится. Хоть я совсем не привыкла быть слабой…

— Ваш заказ готов. — улыбчиво произносит девушка за стойкой.

Мы разбираем свои заказы. Пакет в моих руках кажется горячим углём. Я сжимаю его так, что бумага мнётся, а запах жареной сосиски и свежих ананасов бьёт в нос, смешиваясь с дорогим парфюмом Никиты.

— Спасибо. — произносим мы вслух и направляемся в сторону выхода из магазина.

Я прижимаю тёплый пакет к животу, будто он может согреть ледяной комок под рёбрами. Мне очень приятно, что он заплатил за мою еду, но всё ещё не по себе. Я не привыкла к тому, чтобы мужчина брал хоть какую-то ответственность… Никита словно из другого мира.

Из нормального мира…

— Куда? — голос парня вырывает меня из моих мыслей.

— На... набережную. Если можно.

— Конечно можно. — он кидает на меня короткий взгляд. — Отличный выбор.

Мы улыбаемся друг другу, выходя из супермаркета. Какое-то время мы идём молча, а затем находим свободную каменную скамью с видом на реку.

— Здесь красиво. — подмечаю я, разворачивая хот-дог.

Пар шипит, ударяя в лицо ароматом настоящей еды. Не лапши быстрого приготовления. Не супа из воды и картошки.

Просто тёплая, вкусная еда…

— Угу. — Никита делает глоток сока. — Давно тут не была?

—... Я здесь впервые. С тобой.

Никита ухмыляется, ловко справляясь с упаковкой. Кажется, моё признание его тронуло. Меня тоже…

По правде говоря, я действительно здесь не была. Несколько раз я звала Глеба, но разговаривать с ним бесполезно. Ему гораздо интереснее пить пиво со своими друзьями-алкашами, чем проводить время со мной.

— Приятного аппетита. — подмечает Никита.

— Спасибо, тебе тоже.

Я откусываю. Тёплый хлеб, сочная сосиска, сладковатый ананас, хрустящий лук... Вкус взрывается во рту. Я сдерживаю стон. Когда я в последний раз ела что-то... Подобное? Не кусок списанного торта. Не тот “гениальный” суп Глеба. Не тот “гениальный” суп Глеба… А вкусную еду, от которой хочется плакать.

Я прикрываю глаза от удовольствия. Мой желудок побед-

но танцует в экстазе. Это очень вкусно…

— Нравится? — спрашивает Никита, запивая еду соком.

— Божественно. — кое-как отвечаю я, ведь мой рот полон.

— Я рад. Мне тоже.

— Правда? — чувствую, как мои глаза загораются от восторга. — Обычно, гавайское не очень любят…

— Да, наслышан об этом. Но я люблю интересные сочетания. Это вкусно.

Я молча соглашаюсь, кусая хот-дог очередной раз. Какое-то время мы просто молча жуём. И это – лучшее чувство в моей жизни.

Мой желудок счастлив. Ровно также, как и я.

Мы доедаем. Никита выбрасывает свою обёртку в мусорку и садится рядом, медленно попивая сок. Я стираю остатки кетчупа с губ. А затем делаю глоток сока. Сладкий апельсин разливается по рту, заставляя все мои вкусовые сосочки танцевать.

Я счастлива. И не помню, когда чувствовала что-то подобное в последний раз…

Тишина между нами не неловкая. Она наполнена шумом реки, далёкими гудками машин, моим тихим жеванием. Это странно. Незнакомо. Как глоток воздуха после года в душной клетке.

Наверное, так и есть…

— Спасибо. — неловко произношу я, осторожно глядя на

парня. — Если бы не ты сегодня, то я бы, наверное, сидела и плакала где-нибудь на вокзале…

— Почему на вокзале?

Он хмурится, не совсем понимая мою речь. Я грустно вздыхаю.

—... Ты сегодня спросил, кто вытворил это со мной. Так вот… Мой, с позволения сказать, “парень”.

Река тёмная и тяжёлая, как мои мысли. Солнечный свет отражается в воде длинными дрожащими пятнами. Я стыдливо опускаю глаза, но Никита пододвигается ближе, сокращая между нами дистанцию. Его взгляд скользит по моему лицу, останавливается на синяке под глазом, на разбитой губе. Я машинально прикрываю рот рукой.

— Расскажи. – говорит он тихо. — Если хочешь. Про него. Про… Всё это.

Я отвожу взгляд на реку. Солнечные блики слепят.

Рассказать? Вывалить на этого почти незнакомого человека всю свою грязь? Но в его глазах нет осуждения. Или мне кажется?

—... Его зовут Глеб. — начинаю я медленно, ковыряя ногтем нитку на штанах. — Мы… ЖЖивем вместе. В общаге. Там… — я запинаюсь. Запах кошачьей мочи, плесень, пьяные крики по ночам, черные стены… Как описать этот ад? — Там очень плохо. И он бьёт меня…

Я сжимаю кулаки, пытаясь бороться со своим чувством ничтожности. Я не должна жаловаться и рассказывать… Но

мне так хочется.

—... Почему ты это терпишь?

Вопрос Никиты застаёт меня врасплох. Стыд жжёт лицо огнём. Я не прошу меня жалеть, я сама во всём виновата. Но мне так приятно, что он действительно интересуется… Даже если ради вежливости.

— Потому что у меня нет выбора. Родители далеко в селе, а я мечтаю поступить в университет и съехать в студенческое общежитие. А про вокзал я сказала… Просто. Потому что сегодня, например, я ночевала на работе.

Никита осторожно берёт мою ладонь в свою так медленно, словно спрашивает у меня разрешения. Глаза горят от слёз. Я едва сдерживаюсь, чтобы не разреветься прямо здесь.

—... Ева, я правда могу помочь. Могу снять тебе квартиру или… Можешь пожить у меня.

—... Шутишь, да? — я поднимаю глаза на парня.

— Нет. — твёрдо отвечает он без капли усмешки.

Его ладонь осторожно поглаживает мою в знак какой-то необъяснимой, но тёплой дружбы между нами. Я улыбаюсь сквозь слёзы, наслаждаясь его прикосновением.

— Не слишком ли жирно мне будет? — хохочу я. —Часто ты спасаешь барист?

— Ты первая и последняя. — улыбается в ответ. — И я серьёзно.

— Никит… — вздыхаю, стираю слёзы свободной рукой. — Спасибо, я сама. Мне осталось немного потерпеть…

—... Как знаешь. Я не могу тебя заставить, но если вдруг тебе нужна помощь, то дай знать.

Эти слова ложатся на мои плечи, словно тёплый плед среди ледяной зимы. Мне нужна помощь, я хочу попросить, но… Не могу. Кто я такая, чтобы он помогал мне? Мы толком не знакомы… Это слишком.

—... Спасибо тебе. — голос дрожит. — Если я когда-нибудь решус, ь,то…

— Ладно, уговаривать не буду. — смеётся. — А куда поступить хочешь?

Моё сердце сжимается от боли. Университет – моя самая заветная мечта.

— Я хочу стать переводчиком. — начинаю я осторожно. — Говорю на английском более-менее свободно. Скоро последний экзамен. Надеюсь, что поступлю.

— Вау. — голубые океаны Никиты вспыхивают искренним интересом. — Это круто, ты молодец.

—... Спасибо.

Я чувствую, как краска заливает щёки. Я отвыкла от комплиментов… Оказывается, это так приятно.

“Дипломом подтираться будешь?” — проносятся у меня в голове слова Глеба. Гадость…

И Никита. Который говорит, что я молодец…

— А ты чем занимаешься?

— Да вообще фигнёй всякой. — мы смеёмся. — У меня бизнес… Семейное дело.

— Ух ты, расскажешь?

— Вряд ли тебе будет интересно. — поджимает губы. — Строительная компания и пара заводов. Ничего особенного.

—... Здорово. Тяжело, наверное…

— Бывает. Ответственность большая. Людей много. Но мне нравится.

Я смотрю на него. На его уверенную осанку, на дорогую, но не кричащую одежду, на часы на запястье. Он может гордиться. У него есть что-то свое. Настоящее. А у меня? Синяки, долги и комната в общаге с Глебом.

Контраст. Огромный, как пропасть между нашими мирами…

— Что планируешь делать? — спрашивает у меня Никита.

—... Если честно, то пока вообще не понимаю. Особенно с работой…

— Может, помочь тебе хотя-бы в этом плане? У меня в холдинге есть вакансии.

Я грустно вздыхаю. Я бариста… Просто девочка, которая умеет варить кофе и мыть овощи для сытных вафель. Какой холдинг?

— Никит, ты же не служба МЧС для отлова бездомных барист.

Парень смеётся. Кажется, я впервые за долгое время хорошо пошутила.

— И тем не менее. Ева, почему ты отказываешься?

— Я не отказываюсь. Но не могу принять…

— Вот именно. — вздыхает. — Просто сейчас ты будешь сидеть с ним в общаге без работы и терпеть всё это дальше… Я не настаиваю, но… Может, подумаешь?

Мысли летают друг за другом, как назойливые мухи. Подумать о чём? Сбежать? Жить у Никиты и работать у него?

Звучит неплохо. Но не так сразу… Вдруг, Глеб уедет на вахту на пару месяцев, а я смогу нормально пожить и в общаге? Но работа то нужна… Что делать?

—... Хорошо, я подумаю.

— Вот и славно. —улыбается и победно выдыхает. — Может, хочешь куда-нибудь сходить или десерт?

— Ой, нет. Хватит на сегодня десертов, особенно за твой счёт.

—... Неужели твой Глеб не оплачивает тебе какие-то базовые вещи?

— Оплачивает. — грустно смотрю на воду. — Пиво покупает, на сдачу дают шоколадку. Приносит мне, как собачке.

Никита замолкает. Кажется, его пугают мои откровения.

— Дай мне свой телефон. — просит он.

Я достаю свой потрепанный, с паутиной трещин на экране смартфон. Никита берет его, набирает свой номер, звонит себе. Его телефон в кармане джинс тихо вибрирует.

— Вот. — он возвращает мой телефон. На экране новый контакт "Никита". Просто. Без фамилии. Без глупых ников. Как человек. Как… друг? — Теперь у тебя есть мой номер. Звони. В любое время. По любому поводу. Даже просто так.

А особенно,, если надумаешь.

Я сжимаю телефон в ладони. Этот кусок пластика теперь мост в другой мир.

В параллельную реальность, где всё хорошо.

— Спасибо. — тихо говорю я. — Знаешь, я бы не подумала, что мы с тобой будем вот так сидеть на лавочке и болтать…

— Да уж, непривычно. — смеётся. — Я больше не буду ходить в ту кофейню.

— Почему? Там же тихо и спокойно, удобно работать.

Никита замолкает, смотря на меня своими океанами. Потом опускает голову. Снова поднимает. Отводит взгляд.

Что это значит?

—... Потому что там нет тебя. — наконец, выдаёт он.

Моё сердце замирает. Я ожидала услышать что угодно, но никак не это… Мне казалось, ему безразлично, кто работает в смене, я или начальница, но…

Мысли путаются. Кажется, за это время не только я привыкла к нему, но и он ко мне. Настолько, что нам неловко сидеть здесь на лавочке на улице, ведь обычно мы были в кофейне.

—... Теперь нам придётся видеться где-то в другом месте.

—... Знаешь, я даже рад. Не из цинизма,что тебя уволили. А просто… Мне было больно смотреть, как ты тянешь это место одна.

Я опять тереблю нитку на штанах. К горлу подступает

ком.

—... Я люблю это место. А теперь… Я лишилась единственного светлого, что у меня оставалось.

— У тебя впереди ещё много света, просто научись его видеть.

— В моих реалиях вряд ли.

— Зря ты так. — Никита поднимается с лавочки и выбрасывает бутылку из-под сока. — Мне… Нужно ехать. Могу тебя подвезти.

Ну вот. Я права… Ещё один лучик света решает меня покинуть.

—... Давай. — неуверенно произношу я и тоже встаю с лавочки.

Выбора у меня не много. Либо вернуться сейчас, либо гулять до вечера, проголодаться и прийти к этот ад…

Глеб не тронет меня. Посчитает себя виноватым в том, что я не ночевала. Так что там относительно безопасно…

Мы подходим к автомобилю Никиты. Машина одобрительно моргает фарами. Никита опять открывает мне дверь, я покорно сажусь внутрь и пристёгиваюсь. Парень выполняет все те же манипуляции, что и ранее.

Машина плавно трогается. Я чувствую его взгляд. Краем глаза. Не сканирующий, как у начальницы. Не похотливый, как у мужиков в общаге. Просто... Присутствующий. Будто он даёт мне время собрать осколки себя, рассыпанные по салону его дорогой машины.

Никита подвозит меня к знакомому убогому подъезду. Его чёрный седан кажется инопланетным кораблем на фоне обшарпанных стен общаги. Он глушит двигатель. Тишина в салоне становится гулкой, напряженной.

Он смотрит на подъезд. На грязные окна, на бутылки у входа. На ржавую вывеску "Общежитие 7". Его лицо непроницаемо, но в глазах я читаю… Понимание.

Понимание того, куда я возвращаюсь.

— Спасибо. — шепчу я. Голос предательски дрожит. — За все. За день. За… разговор. За хот-дог. — я пытаюсь улыбнуться, но губа ноет.

Он поворачивается ко мне полностью. Его глаза в полумраке салона кажутся темно-синими, почти черными. Серьезными. Глубокими.

— Пообещай мне кое-что. — говорит он тихо, но так, что каждое слово отдается эхом в тишине. — Что расстанешься с ним. С этим… Глебом. Обещаешь?

Я смотрю на темный, как пасть, подъезд. На свою тюрьму. Внутри все сжимается в ледяной комок страха.

Что будет, когда я войду? Он там? Трезвый? В ярости?

Бросаю взгляд в синие глаза Никиты. И киваю. Твердо. Решительно. Будто клянусь себе, а не ему.

—... Обещаю.

Никита тепло улыбается. В его глазах одобрение и… Забота?

— Звони мне. Можешь писать.

—... Хорошо. — сглатываю ком в горле. — Спасибо тебе.

— И тебе. Если бы мне не нужно было ехать…

— Всё в порядке. Увидимся.

— Пока.

—... Пока.

Я открываю дверь. Горячий воздух, пахнущий пылью и городской гарью, врывается в салон. Я выхожу и на ватных ногах дохожу до подъезда. А затем открываю тяжёлую дверь и захожу внутрь.

В нос тут же ударяет знакомый запах, от которого тошнит… Сердце колотится где-то в горле.

В коридоре пахнет пивом, кислым супом и безнадегой. Знакомый коктейль. Из-за двери доносится хриплый пьяный смех. Чей-то голос орёт матерщину.

Я делаю шаг вперёд. Холодный, липкий полумрак обволакивает меня, как саван. Воздух густой от запаха плесени и чужого пота. Знакомая вонь затхлости, перегара и отчаяния бьёт в нос.

Мой мир. Мой “дом”. Мой личный ад.

В который я вернулась…

Глава 3

Общажная вонь обволакивает меня, словно липкая плёнка. Адская смесь кошачьей мочи, прокисшего пива, пота и вечной сырости въелась в стены, в одежду и в меня. По правде говоря, я бы предпочла тысячу ночей на холодном столе кофейни, чем этот пыточный диван в "объятиях" Глеба. Интересно, он вообще дома? Телефон оборвал так, словно пожар... Но я не ответила. Нет сил слушать его пьяный бред, пустые угрозы и жалкие оправдания. Надоело…

В общаге нетипичная и зловещая тишина. Даже соседские коты, обычно дерущиеся за кусок колбасы в кухне, сейчас мирно спят на подоконнике общего коридора, сбившись в один пушистый комок. Я завистливо смотрю на них. Они тёплые, мягкие, защищённые друг другом. В отличие от меня. Одинокой. Загнанной.

Забытой в этом городе-ловушке…

— Ева, тебе тут передали.

Голос вахтёрши вырывает меня из мыслей, заставляя вздрогнуть. Поджилки предательски дрожат. Она не поднимает глаз от экрана потрёпанного телефона, лишь молча протягивает мне ключ от нашей с Глебом комнаты и сложенную вдвое купюру. Тысяча рублей. Символично…

— Что это? — выдавливаю я, ощущая, как голос хрипит от напряжения.

— Глеб уехал. Попросил тебе передать.

—... Надолго?

Она фыркает и пожимает плечами, тыкая толстым пальцем в экран телефона. Я сжимаю ключ до белизны костяшек, чувствуя, как металл впивается в трещины на коже. Сердце замирает, а потом бьется бешеным галопом, отдаваясь в висках тупой болью.

Не верю. Не может быть…

— Спасибо. — бросаю я вахтёрше короткую деревянную улыбку. Она не поднимает глаз, утонув в мерцающем экранчике смартфона. Ей всё равно.

Всем здесь всё равно.

Поднимаюсь по грязной лестнице. Каждый шаг отдаётся эхом в пустом коридоре. Ключ жжёт ладонь, словно раскалённый уголёк.

Я буду одна… Какое же это счастье. Я хочу просто помыться в едва-тёплой воде и лечь спать. Просто отдохнуть.

Просто выдохнуть…

Вставляю ключ в ржавый замок. Дверь с трудом поддаётся и скрипит, впуская меня в гробовую тишину комнаты. Я ныряю внутрь, прислушиваясь. Ни звука. Быстро захлопываю дверь, поворачиваю ключ изнутри. Щелчок замка звучит как памятный звонок.

Прислоняюсь спиной к холодной шершавой двери. Полный вдох обжигает лёгкие, наполняя их странной, непривычной свободой. Тишина давит на барабанные перепонки. Ни

пьяных криков за стеной, ни матерных перепалок соседей, ни грохота падающей мебели или бутылок. Только бешеный стук моего собственного сердца, гулко отдающийся в пустоте этой крошечной камеры.

Мой взгляд скользит по знакомому ужасу. Отклеившиеся обои, чёрные пятна плесени в углу под потолком, продавленный диван, покрытый пледом. На полу пустая бутылка из-под дешёвого пива, объедки вонючей кильки в томате на тарелке. Напоминания о Глебе. Его следы.

Но его самого нет. И это прекрасно.

Выдохнув и окончательно успокоившись, я стягиваю с себя одежду и бросаю её в корзину с грязным бельём. А затем захожу в свой крошечный санузел. Включаю воду и просто встаю под едва-тёплые струи.

Вода щиплет и обжигает раны на теле. Я бросаю взгляд на свои руки, живот, бёдра. Всё усыпано ярко-фиолетовыми синяками. Если бы мама сейчас видела, что со мной сотворил Глеб, она бы его прибила… Собственно, это и есть главная причина того, почему я ничего ей не рассказываю.

И мне стыдно… Очень. Если она узнает всю историю наших с Глебом “отношений”, то убьёт не только его, но и меня.

Кусок мыла едва не выскакивает из моей ладони, но мне удаётся его приручить. Я тру тело, хмурясь от боли, проводя по синякам. Волосы намокают и неприятно прилипают к лицу. Я покрываю мылом все части тела, а затем смываю пену.

Выключаю воду. Кутаюсь в полотенце.

И снова возвращаюсь в свой ад.

Натянув на себя пижаму и укутав волосы в полотенце, я падаю на диван. А затем чувствую, как по моим щекам расползается улыбка, когда я заглядываю в экран телефона.

“Как ты?”

Глеб никогда не задавал таких вопросов. Ему всегда всё-равно на то, что со мной происходит. Но Никита… Удивляет меня с каждым разом только больше.

Дрожащими руками я нажимаю на кнопку вызова и подношу телефон к уху. Сердце колотится, словно бешеное. Гудок. Второй.

— Привет. — тембр парня такой низкий и бархатный, что по моей груди разливается тепло, гася остатки дрожи.

— Привет ещё раз. — мой голос хрипит, предательски выдавая комок в горле. — Я одна. Он уехал. Пока не знаю, на сколько.

— Не обманываешь? — бросает лёгкий смешок.

— Зачем мне это? — улыбка растягивает разбитую губу, вызывая острую, знакомую боль. Я машинально касаюсь ранки подушечкой пальца. — Вахтёрша сунула мне ключ и тысячу рублей.

— ... Это столько стоят его извинения? — голос стал тише, с ноткой чего-то металлического.

— ... Полагаю. Он даже не прибрался. — мой взгляд скользит по хаосу. Желудок сжимается в узел от знакомой

картины запустения.

Никита выдыхает так тяжело, будто несёт на плечах мой груз.

А я тем больше чувствую вину...

— Ева, моё предложение всё ещё в силе. Особенно… — он делает паузу, словно взвешивая слова. — Сейчас, пока его нет. Я могу приехать.

Дыхание перехватывает. Ладонь прижимается к груди, пытаясь унять стук. Мозг отчаянно цепляется за логику, но всё тело тянется к его словам, как к спасательному кругу в бушующем море.

И как к возможности вырваться из этого ада…

— Никит, я… Мне нужно подумать. Это очень ответственное решение.

— Я не тороплю. Просто… — он на пару секунд замолкает, собираясь с мыслями. — Ты, наверное, не до конца мне веришь… И я тебя понимаю. Просто знай, что ты можешь рассчитывать на мою помощь. Всегда.

Глаза мгновенно наполняются горячими слезами. Они предательски катятся по щекам, оставляя солёные дорожки на коже.

Ранее я не слышала ничего подобного за всю свою жизнь. Эта фраза как нож в сердце и бальзам одновременно. Она раскалывает меня, обнажая всю боль, но и обещая быть спасением.

—... Почему ты помогаешь мне? — шёпотом спрашиваю

я, отчаянно пытаясь контролировать свои эмоции.

—... Потому что я уже несколько месяцев наблюдаю за тем, как ты терпишь к себе дерьмовое отношение. А теперь, когда я знаю о твоей жизни, просто не могу поступить иначе.

Его слова жгут, как спирт на ране, но за этим жжением есть обещание заживления. Он говорит это спокойно, без пафоса, как о прогнозе погоды. А внутри меня бурлит вулкан стыда, благодарности и дикого, почти болезненного облегчения.

— И я буду жить у тебя? — пытаюсь шутить, но в груди ледяной ком страха.

Я оглядываю комнату общаги. На стене зловеще раздулись ещё пара пузырей, чёрная плесень, как живая, поползла по потолку. Капли влаги постепенно разъедают побелку потолочного карниза. Воздух густой от запаха сырости и отчаяния.

Я могу уйти. Сбежать из этого ада. Выбраться и начать жить заново…

А если Никита такой же, как Глеб? Что потом?

По позвоночнику пробегает холодная дрожь. Вряд ли есть мужчина хуже Глеба…

— Если некомфортно, сниму тебе квартиру, без вопросов. И нет, это не "слишком". — смеётся тихо и искренне. — Я не рыцарь на белом коне, спасающий всех барист подряд. Только ту, что смотрит на мир как на битву, которую пока проигрывает, но не сдаётся.

Я удивлённо моргаю, ощущая, как мои щёки пылают. Стираю ладонью предательскую слезу.

— ... Ты запомнил тот разговор?

— Я много что помню. Твою полку в кофейне, например. Чай с тропическими фруктами. — в его голосе улыбка.

— Я меняю вкусы! — фальшиво возмущаюсь, но внутри теплеет. — Не то, что ты, латте с малиной. Предсказуемо!

— Ой, попала! — смеётся. — Но это не привычка. Это якорь. Без него весь день не тот. Как без чьих-то распечаток в кофейне…

Несколько секунд молчания между нами сгущаются, но не давят. Сердце колотится о рёбра.

— Мои распечатки слишком дороги моему сердцу и желанию поступить в ВУЗ мечты.

— А я ничего и не говорю. — слышу, как он улыбается. — Ты самая стойкая "робот-бариста" из всех, кого я видел. Та, что осмелилась бросить фартук начальнице в лицо. Официально заслужила титул Бунтарки. Не возражаешь?

Чувствую, как горят уши и щёки. Пальцы нервно теребят край пижамы.

— Почему "Бунтарка"? —лёгкий смешок щекочет что-то глубоко в животе.

— Потому что даже в самом дерьме ты не перестаёшь мечтать о переводческом. Бунтуешь против всего этого. Можно так называть? Или придумаем что-то... Менее эпичное? Например, "Девушка-тропический-чай"? Сладкая, но с харак-

тером.

Из груди вырывается громкий смех. Живот колет от непривычной легкости. Тело расслабляется впервые за долгое время.

— Оставим "Бунтарка". А тебя... “Архитектор Спасения”? Слишком пафосно?

— Уф. — он фальшиво стонет. — Звучит как название плохого романа. Давай лучше... Парень С Малиновым Латте. Прозаично, зато честно.

— Договорились, Парень-С-Малиновым-Латте. — проговариваю, чувствуя, как щёки горят. — Хотя знаешь, ты… Спокойствие. И глоток воздуха, когда задыхаешься.

Кусаю внутреннюю сторону щеки. Образ Никиты ярко всплывает перед глазами. Сердце замирает, а потом начинает бешено колотиться где-то в горле. Стук клавиш, малиновый латте, его парфюм… И татуировки на левой руке.

Запах свободы…

— ... Вау. — он выдыхает. В его голосе что-то сломалось, стало ниже и теплее. — Мне никто такого... Никогда не говорил. Неожиданно.

Зачем я это ляпнула?

Наверное, перебор. Слишком… Глупо.

— Прости, что-то я увлекалась…

— Нет, всё в порядке. Мне нравится, что ты делишься мыслями.

Я прикусила разбитую губу, чувствуя привкус крови и то,

как по спине пробежали мурашки.

— Раз в год и робот бариста может выдать что-то нестандартное. — отшучиваюсь я. — Даже для меня самой…

— Хочешь узнать, с чем у меня ассоциируешься ты?

Я замираю. Сердце пропускает удар.

— Да, хочу. — пытаюсь сказать легко, но голос предательски дрожит.

Он молчит пару секунд. Я слышу, как он сглатывает ком в горле.

— На северное сияние. Красиво. Редко. И холодно. — его голос становится тише, будто он говорит это не для меня, а для себя. — В Питере его почти не видно. Надо уезжать за город, ждать ночи, смотреть в небо. Большинство людей за всю жизнь так и не видят. А ты… Ты как будто сама пришла ко мне. Среди бетона, дождя и вечной серости. И я до сих пор не верю, что это не сон.

Внутри меня разливается что-то тёплое, согревая каждую клетку моего тела. Его слова звучат как сладкий мёд. Напряжение сжимает горло.

Мне никто никогда не говорил таких вещей…

— ... Ты сейчас серьёзно? — кое-как выдавливаю я.

— Абсолютно. Только не зазнавайся, Бунтарка. Я всё ещё считаю, что ты пьёшь слишком много чая.

Смех распирает лёгкие и заглушает страх. Мне становится… Комфортно. Даже слишком.

— А ты слишком много пьёшь кофе, Парень-С-Малино-

вым-Латте.

— Это якорь. — говорит он и в его голове слышится улыбка. — Помни об этом.

— Помню. — смеюсь и чувствую, как усталость от пережитого берёт своё. — Была рада слышать твой голос. Очень. Я пойду спать… После ночёвки в кондитерской у меня болит всё тело... И... Спасибо.

Я прижимаю ладонь к груди. Под пальцами ровный, спокойный стук сердца. Впервые за долгие месяцы.

—... Тебе спасибо. Я тоже очень рад с тобой пообщаться. — в его голосе искренняя теплота. — Звони, если... Просто звони. Я буду ждать.

— Хорошо. Никит, а ты можешь… — голос срывается на шепот, став вдруг непривычно мягким. — Приехать завтра?

Мой язык вообще меня не слушается…

—... Просто так или за тобой?

—... Пока не знаю. Просто хочу… Видеть тебя.

Палец невольно коснулся экрана телефона, будто пытаясь дотронуться до парня сквозь стекло. В нашей паузе умещается вдох Никиты и биение моего сердца. Я представляю, как он чуть откинул голову и провел рукой по светлым волосам.

—... Конечно приеду. Я тоже хочу видеть тебя.

Внутри меня всё сжимается в тугой и сладкий узелок. По телу разливается волна тепла, согревая даже кончики холодных пальцев. Я кивнула, забыв, что он не видит.

— До завтра, Парень-С-Малиновым-Латте. — выдох по-

лучился неровным, но счастливым.

— До завтра, Ева. Сладких снов.

— А тебе хорошего вечера.

Я опускаю телефон, все еще чувствуя на ладони призрачное тепло от его голоса. Комната общаги внезапно кажется... Тише. Темнее, но не такой враждебной.

Я прижимаю ладони к горящим щекам, пытаясь поймать какое-то новое чувство. Оно пульсирует в висках в такт успокоившемуся сердцу. Как первый шаг в темноту, когда знаешь, что впереди свет.

И не просто свет. А целое солнце.

По имени Никита…

***

Несмотря на спокойствие, я так и не смогла нормально уснуть. Я просыпалась каждые полчаса и проверяла комнату на предметы наличия Глеба. А когда ничего найти не удавалось, то я сидела у двери и слушала шаги, опасаясь услышать моего “парня”. Я думаю, у меня началась паранойя. Вернее, она и не заканчивалась с тех пор, как я познакомилась с Глебом…

Мой старенький рюкзак скрипит, когда я открываю его настежь. Кладу внутрь пару футболок, нижнее бельё, носки, джинсы. Я перебрала гардероб и поняла, что вещей у меня осталось не так уж много… Глеб порвал и выбросил почти всё. Он всегда делает это при каждой крупной ссоре. Моя любимая кофта, купленная на рождественскую премию, же-

стоко изрезана ножом. Везде торчат нитки. Я вытираю очередную порцию слёз. Мало того, что он отравляет мне жизнь своим поведением, так он ещё и смеет портить мои вещи, которые я покупаю на последние ресурсы, жертвуя собой…

И это бесит меня больше всего.

Застегнув замочек на рюкзаке, я снова оглядываю комнату. Тело трясёт от неизвестности и страха одновременно. Я не могу понять, чего боюсь больше… Уйти отсюда или остаться здесь?

Тумбочка трещит, когда я открываю её в поисках документов. Паспорт, диплом, медицинская книжка… Полный набор. Где-то здесь было уведомление из университета… Вот оно. Зарядка для телефона, едва живые наушники. Кажется, всё. Только самое необходимое.

Я приняла предложение Никиты о помощи…

До нашей завтрашней встречи ещё куча времени. Я жалею о том, что не ушла раньше, когда парень предлагал приехать… Теперь же мне неудобно звонить ему среди ночи и просить забрать меня.

Нужно как-то дожить до утра, а потом и до обеда, когда он приедет. В голове куча мыслей, но сна нет ни в одном глазу. Я швыряю тысячную купюру на стол и прикрываю её грязной кружкой Глеба. Мне не нужны его деньги… Тем-более такая мелочь.

Натянув на себя джинсы и любимую джинсовку, я выбираю менее рваные кроссовки и быстро натягиваю их на себя.

Беру рюкзак и удивляюсь тому, какой он лёгкий. В нём вся моя жизнь…

Снова оглядываю комнату. Чёрные от плесени стены, рваные обои и сырость… Я стираю очередную порцию слёз. И выдыхаю.

Я ухожу. Насовсем…

Выключаю свет и выхожу из комнаты. Закрываю её на ключ и тихо иду в сторону лестницы, не веря в происходящее.

Опять вонь и бутылки… Ничего нового. Я зажимаю нос пальцам, задерживая дыхание. Надеюсь, я вижу это в последний раз в своей жизни…

Спускаюсь по грязной лестнице. Прохожу мимо спящей вахтёрши, которая буквально днём дала мне этот ключ, горящий в ладони. Нет, я не оставлю его Глебу… Для этой железной штуки у меня есть судьба получше.

Я толкаю тяжёлую металлическую дверь и в мгновение оказываюсь на улице. Прохладный ветер ударяет в лицо. В небе сверкает молния. Нужно найти укрытие до того, как начнётся ливень. В целом, можно дойти до вокзала и даже переночевать там, да и магазины там круглосуточные. Правда, там очень дорого... Но это явно лучше, чем оставаться в общаге и ждать, когда вернётся Глеб.

Везде лучше, чем в общаге…

Я иду вдоль улицы, едва освещённой тусклым фонарём. Ноги ведут меня куда-то в сторону центра города, но до него

топать я буду дня два… Нужно уйти куда-нибудь достаточно далеко отсюда, но удобно для Никиты, когда он приедет за мной. Например, тот же вокзал или какой-нибудь круглосуточный магазин.

Или место, где мы встретились…

Точно!

Я иду в сторону набережной к кондитерской “Бисквит и Сливки”. Это место, где я работала, не покладая рук, мыла овощи и варила тот-самый малиновый латте для Никиты… Жаль, что у меня нет ключа от точки. Я оставила его начальнице вместе с фартуком. Возможно, сейчас я могла бы также переночевать там, но полагаю, что это плохая затея… Особенно после всего, что произошло.

Если честно, то я очень скучаю по этому месту. Я знаю каждый уголок этой кондитерской, каждую вещицу и каждый рецепт, который придумала. Я практически была создателем и дизайнером этой точки, пока моя начальница не сошла с ума сначала с сытными вафлями, а потом и блинами. Если бы она наняла персонал, как и обещала, я бы не бунтовала и, как следствие, никуда не ушла.

Но всё, что не делается, к лучшему, так ведь?

Я не замечаю, как оказываюсь в нужном месте. Небо снова сверкает, молния ползает по облакам, словно змея. Я тяжело дышу и присаживаюсь на ту самую лавочку, на которой мы с Никитой познакомились. И улыбаюсь.

Если бы я только могла предположить, что у меня будет

его номер телефона, то сошла бы с ума ещё раньше. Он был просто постоянным гостем, для которого было своеобразным ритуалом посетить эту кондитерскую. А теперь он парень, который предлагает мне помощь, чтобы я вылезла из этого дерьма. Мы ещё не знаем друг друга, но за эти несколько месяцев умудрились стать какими-то родными.

Достаю из кармана телефон. Чёрт, три часа ночи… Никита уже спит, хоть и говорил, что я могу звонить в любое время. Это будет не красиво…

А если нет? Он говорил, что у него бизнес… Вдруг он ещё работает? Вдруг он сможет прямо сейчас забрать меня отсюда? Мечтать не вредно… Но что, если я окажусь права?

Что за глупости у меня в голове..?

Дрожащими пальцами я отправляю ему смс с текстом "Спишь?". Если он не ответит, я подожду до утра. И, вероятнее всего, это мне и придётся сделать.

Я блокирую телефон и подхожу к перилам набережной. На поверхности чёрной воды отражается молния. Река манит своей неизвестностью и тайной. Я ушла бы в эту воду с головой, лишь бы забыть весь ужас, который произошёл со мной за этот год…

Забыть Алину, её брата Глеба и то, что нас связывало этот недолгий промежуток времени. Но от этих историй мне уже не отмыться…

В руке горит ржавый ключ от нашей с Глебом комнаты в общаге. Столько боли она мне принесла… Я ненавижу это

место также сильно, как и его самого. Если бы время можно было вернуть вспять, я бы ни за что не согласилась на какие-либо отношения с Глебом. Это слишком… Жестоко.

Я смотрю на воду, потом на ключ. Потом снова на воду.

И разжимаю пальцы…

Ключ молниеносно падает вниз, ударяется о перила, отлетает в сторону и скрывается в воде с громким бульком. Я выдыхаю и улыбаюсь.

Теперь я точно туда не вернусь…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.